Лу Лу

Виновный?

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лу Лу

Виновный?

«Автор»
2026

Лу Л.

Виновный? / Л. Лу — «Автор», 2026

Виновный?Психологическая драмаПятнадцать лет назад на тёмной дороге погиб человек. Суд нашёл виновного, приговор был вынесен, и жизнь продолжилась. По крайней мере, для тех, кто остался на свободе.Сегодня у Алины есть всё, что принято называть счастьем: любящий муж, дочь, большая семья и старший брат, которым она всегда восхищалась.Но однажды прошлое возвращается.Человек, осуждённый за ту аварию, намерен добиться пересмотра дела. Ему не нужны деньги или месть. Он хочет вернуть себе жизнь, которую у него отняли.Для Алины это означает одно: правда, которую её семья скрывала пятнадцать лет, наконец может выйти наружу.И тогда ей придётся ответить на вопрос, от которого она слишком долго убегала.Можно ли защитить тех, кого любишь, и при этом не стать виновным самому?«Виновный?» — история о семейной любви, предательстве, совести и цене молчания. О людях, которые способны на добро, даже совершив однажды нечто непростительное.И о том, что правда не всегда освобождает.

© Лу Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 33
Глава 4 41
Глава 5 51
Глава 6 76
Глава 7 89
Глава 8 106
Глава 9 129
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Лу Лу
Виновный?

Глава 1

К пяти вечера на кухне уже некуда ставить тарелки. На столешнице ждут салаты, в раковине лежат две ложки, которые почему-то никто не моет, а Вика стоит перед открытым холодильником с тортом в руках.

— Я не понимаю, куда я должна его поставить.

— На балкон, — предлагает Миша.

— Там плюс двенадцать.

— Значит, ему будет прохладно.

— Миш.

Он смеётся, забирает торт и устраивает его на свободном краю стола. Потом достаёт из холодильника три контейнера, меняет их местами и наконец освобождает полку. Вика молча наблюдает за перестановкой, пока он не убирает торт внутрь.

— Видишь? — говорит Миша.

— Вижу, что ты умеешь играть в тетрис.

Алина стоит у окна с чашкой чая. Брат даже не заметил, что его попросили о помощи: увидел, что Вика не справляется с тортом, и уже полез освобождать место. Он так же возится с тугими крышками, тяжёлыми пакетами и чужими сломанными кранами. Чаще всего его и просить не приходится.

— Алина, салат будешь? — спрашивает Вика.

— Потом.

— Ты с обеда «потом».

— Я торт жду.

— Вот откуда у Риты характер, — раздаётся от двери.

Дима пришёл с двумя пакетами. Рита рядом с ним стаскивает куртку и одновременно заглядывает в один из пакетов.

— Там что?

— Ничего твоего.

— Пап.

— Там подарок Соне.

— Я просто посмотрю.

— Рита.

Она вздыхает так, словно в этой семье ей запрещено вообще всё.

— Я не трогаю.

Рука при этом уже внутри пакета. Дима ловит её за запястье.

— Ты восемь лет живёшь и всё ещё не понимаешь, что «не трогаю» означает отсутствие контакта.

— Я хотела проверить, не помялось ли.

— Заботливая какая.

Рита показывает ему язык и убегает в комнату.

— Сам воспитал, — говорит Алина.

— Я? — Дима ставит пакеты на свободный стул. — У неё твои гены.

— Конечно.

Он целует Алину в висок, забирает у неё чашку и делает глоток.

— Это чай?

— Был.

Дима морщится.

— Холодный.

— Поэтому и был.

Из комнаты доносится Сонькин крик:

— Рита, не открывай!

— Я вообще ничего не делаю!

Миша закрывает холодильник.

— Через минуту кто-нибудь заплачет.

— Ставлю на Риту, — говорит Дима.

— На Соню, — отвечает Вика.

— На меня, — объявляет Миша. — Я десять лет ждал этого дня.

— Чего именно? — спрашивает Алина.

— Когда мой ребёнок станет двузначным. Всё, теперь у неё взрослая жизнь: ипотека, коммуналка, боли в спине.

Вика толкает его локтем.

— Не пугай ребёнка.

— Я готовлю её.

— Ты в десять лет ел мел со школьной доски.

— Один раз.

— Ты говорил, что он вкусно пахнет.

Миша пожимает плечами.

— А пах он правда неплохо.

Алина смеётся. Брат ловит её взгляд — улыбается уже ей одной, будто они вспомнили что-то, о чём остальные не знают.

Дима однажды спросил, почему они с Мишей разговаривают глазами, как заговорщики. Алина ответила, что после пятнадцати лет под одной крышей половина слов становится лишней. Дима назвал это нечестным преимуществом.

Он до сих пор иногда ворчит, когда Миша звонит третий раз за день, а Алина бросает всё и берёт трубку. Не всерьёз, но она всё равно обычно делает вид, что не замечает.

В половине шестого звонят в дверь.

Ирина входит первой — в светлом пальто, с пакетом, из которого торчит угол подарочной коробки.

— Только не говорите Соне, что здесь. Она меня неделю пытала.

— Бабушка!

Соня оказывается в прихожей раньше, чем Ирина успевает расстегнуть пальто. Рита выскакивает следом.

— Это мне?

— Нет, мне, — отвечает Ирина и целует внучку. — Решила сама себе подарок принести на твой день рождения.

Соня смеётся, обнимая её за шею.

За Ириной входит Сергей. Медленнее, чем раньше. Тёмное пальто за последние месяцы стало ему заметно свободнее, и он на секунду задерживается у двери, пока Миша уже тянется к воротнику.

— Давай сюда.

— Что тебе дать?

— Пальто.

— Я пока способен снять собственное пальто.

— Я знаю.

— Тогда отойди.

Миша отступает на полшага.

— Ещё, — требует Сергей.

— Пап.

— Миша.

— Хорошо.

Отец снимает пальто сам. Ирина тут же оказывается рядом.

— Ты не устал?

— Я только вошёл.

— Я спрашиваю.

— Нет.

— Голова?

— Нет.

— Не тошнит?

Сергей медленно поворачивается к ней.

— Ира. У Сони день рождения. Давайте хотя бы первые десять минут сделаем вид, что рак сегодня не главный гость.

В прихожей становится тихо. Алина слышит, как за стеной звякнула ложка.

Соня первая подходит к деду и обнимает его за пояс.

— Деда, ты главный гость после меня.

У Сергея меняется лицо. Ещё секунду назад он выглядел раздражённым, а теперь улыбается внучке.

— Вот. Единственный человек в семье с нормальной системой приоритетов.

— А подарок? — тут же спрашивает Соня.

— И с испорченной системой приоритетов.

Он целует её в макушку.

Алина подходит, когда Соня уже отходит к бабушке.

— Привет, пап.

— Привет.

Она обнимает его осторожно. Отец терпеть не может, когда с ним обращаются как с хрупким, поэтому никто не говорит вслух, что теперь обнимает его иначе. Просто руки сами задерживаются на плечах легче, чем раньше.

Его ладонь остаётся у неё на спине чуть дольше обычного.

— Как ты?

— Нормально.

— Работа?

— Нормально.

— Дима дома надолго?

— Пока на три недели.

— Хорошо.

Он отпускает её. Дима уже протягивает ему руку и спрашивает, понадобится ли завтра помощь с машиной.

— Завтра ничего не нужно, — отвечает за мужа Ирина. — Обследование только в четверг.

— В четверг я поеду, — тут же говорит Миша.

Сергей переводит взгляд с одного на другого.

— Я тоже буду участвовать в обсуждении собственного тела или вы уже распределили меня по сменам?

— Пап, мы просто хотим помочь.

— Поможете. Но после торта.

Он проходит в комнату, а Ирина ещё несколько секунд смотрит ему вслед. Алина касается её руки.

— Мам.

— Всё нормально.

— Я знаю.

Ирина поправляет рукав пальто и идёт разуваться.

Она всегда так говорит. Даже когда Алина видит, как у неё дрожат пальцы.

* * *

За столом Сергей почти перестаёт выглядеть больным.

Почти — потому что заботиться о нём никто не прекращает. Ему не кладут салат с майонезом: после последнего курса от жирного тошнит. Миша спрашивает про таблетки. Вика меняет его газированную минералку на обычную воду. Сергей сначала возмущается, потом только смотрит на всех так, будто попал в плен.

Наконец поднимает стакан.

— За Соню. Пока мне не начали измерять давление прямо за столом.

— Не подсказывай, — говорит Миша.

— Десять лет — хороший возраст, — продолжает Сергей. — Уже многое понимаешь, но ещё можешь делать глупости и говорить, что маленькая.

— Я не маленькая, — возражает Соня.

— Конечно. Вот будет тебе тридцать — поймёшь, что в десять была маленькая.

Соня задумывается.

— А в тридцать уже старая?

Миша начинает смеяться.

— Сонь, осторожнее. Здесь есть люди, которых ты сейчас обидишь.

— Тебя? — спрашивает она.

— Мне тридцать три. Меня уже поздно спасать.

— Древний, — подтверждает Вика.

— Спасибо, любимая.

Соня поворачивается к Алине.

— Тёть Алин, а ты в десять какая была?

— Хорошая.

Миша кашляет в кулак.

— Что? — спрашивает Алина.

— Ничего. Я молчу.

— А она правда была хорошая?

— Конечно, — отвечает Ирина. — Спокойная девочка, послушная.

Сергей на мгновение встречается с Алиной взглядом.

— До определённого возраста.

Она успевает поставить стакан на стол, прежде чем Миша вмешивается:

— В двенадцать она разбила окно мячом и пыталась убедить всех, что это голубь.

— Я не говорила, что это был голубь.

— Ты сказала: «Возможно, птица».

— Это не одно и то же.

— В закрытое окно?

— Птицы ошибаются.

— Особенно с футбольными мячами.

Дима смеётся громче всех.

— Почему ты никогда мне этого не рассказывала?

— Потому что у меня есть достоинство.

— Уже нет.

Она пихает его коленом под столом. Дима лишь шире улыбается.

Рита тем временем тянется к блюду с тарталетками.

— Рит.

Дочь замирает, не успев взять очередную.

— Что?

— Ты уже брала.

— Одну.

— Две.

— Эта маленькая.

— Положи.

— Почему Соне можно?

— Потому что это её день рождения.

— И что?

— Рита, — негромко говорит Дима.

Она смотрит на него, потом на Алину и с тяжёлым вздохом кладёт тарталетку обратно.

— Жадины.

— Спасибо. Люблю тебя тоже, — отзывается Миша.

Через пару минут Рита уже показывает Соне что-то в телефоне. Обе хихикают, толкаясь плечами.

Сергей наблюдает за ними.

— Хорошо, что они есть друг у друга.

— Пока не подерутся, — замечает Вика.

— Через пять минут помирятся, — говорит Ирина.

Дима кивает на Риту.

— Эта долго молчать не умеет.

— Я умею! — немедленно отзывается та.

— Конечно.

— Пап!

Алина смеётся и берёт наконец салат, который предлагала Вика. В шуме голосов, звоне приборов, в споре детей о телефоне всё на несколько минут становится таким обычным, что она перестаёт считать, сколько отец съел.

Потом Сергей встаёт. Опирается ладонью на край стола и задерживается всего на секунду, но Ирина уже подняла голову.

— Я просто в туалет, — сообщает он.

Никто ничего не спросил.

— Господи, вы невозможные.

— Любим тебя, — говорит Миша.

— Это не оправдание.

Сергей выходит. Ирина провожает его взглядом.

— Сегодня лучше.

— Мам, правда лучше, — отвечает Миша.

— Я знаю.

Слишком быстро. Алина делает вид, что занята салфеткой. Ночью мама, скорее всего, опять проснётся и проверит, дышит ли муж.

Торт выносят ближе к восьми. От свечей пахнет воском, и Соня, не дождавшись конца поздравлений, уже наклоняется к огонькам.

— Подожди! — кричит Рита. — Желание!

Соня зажмуривается, потом с первого раза задувает все десять свечей.

Рита немедленно требует сказать, что она загадала.

— Если скажет, не сбудется, — объясняет Ирина.

— Это неправда.

— Почему?

— Потому что я в прошлом году сказала.

— И сбылось?

Рита думает.

— Нет.

Миша хлопает ладонью по столу.

— Следствие окончено.

Даже Сергей смеётся. Алина поворачивается к нему на звук смеха. У отца сейчас почти прежнее лицо — с морщинками у глаз, с этой привычкой чуть откидывать голову, когда ему действительно смешно. Она давно не видела его таким и задерживает взгляд дольше, чем собиралась.

Он замечает.

— Что?

— Ничего.

— У тебя с детства одинаковое лицо, когда «ничего».

— Какое?

— Как будто ты уже всё решила и ждёшь, когда остальные догадаются.

— Учительская деформация, — отвечает Алина.

— Возможно.

В детстве хватало того, как отец входил в комнату, чтобы она перестала спорить. Он учитель: даже перед шумным классом не приходилось повышать голос. Взрослая Алина давно перестала его бояться, но привычку угадывать настроение по выражению лица так и не потеряла. И рядом с ним до сих пор бывало проще промолчать, чем произнести то, что вертелось на языке.

Миша ставит перед отцом тарелку с маленьким куском торта.

Сергей оценивает размер.

— Это унизительно.

— После химии тебя от сладкого мутит.

— Меня от вашего контроля мутит значительно сильнее.

— Серёжа, — устало говорит Ирина.

— Всё. Молчу.

Соня хихикает. Алина тоже, хотя замечает, что отец съедает меньше половины порции.

* * *

К девяти дети устают. Соня сидит рядом с Викой, положив голову ей на плечо, а Рита уже второй раз требует разрешения остаться ночевать.

— Мы не договаривались, — говорит Алина.

— Соня разрешила.

— Соня не твоя мать.

— Мам.

— Нет.

— Почему?

— Потому что завтра школа.

— У Сони тоже.

— Именно.

Рита тут же разворачивается к Мише.

— Дядь Миш.

Он поднимает ладони.

— Даже не смотри на меня. Я хочу жить.

— Предатель.

Дима наклоняется к Алине.

— Видишь? Второй отец.

— Сам виноват.

— Вообще-то мне нравится мой статус, — отзывается Миша.

Он щёлкает Риту по носу.

— В следующий раз.

— Когда?

— На выходных.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Только после этого Рита соглашается надеть куртку.

Соня выходит в прихожую проводить их и обнимает Алину.

— Спасибо за серьги.

— Точно нравятся?

— Очень.

— Тогда носи.

— Мам сказала, в школу нельзя большие.

— Мама права.

— Ты всегда на её стороне.

— Я взрослая. У нас профсоюз.

Соня идёт обнимать Диму.

Пока в прихожей все ищут свои вещи, Миша поправляет дочери волосы, Вика уносит оставшиеся чашки, а Ирина приносит Сергею пальто и кладёт на спинку стула возле двери. Он уже дважды сказал, что сам оденется, когда соберётся домой.

— Алин, — зовёт отец.

Она оборачивается.

— Да?

— Ты не уходи пока.

Дима держит Риту за руку. Девочка пытается застегнуть молнию, не выпуская из ладони маленькую игрушку.

— Мы подождём, — говорит он.

Сергей качает головой.

— Не надо. Пять минут. Я потом сам её отправлю.

Алина ловит взгляд отца. Он не улыбается.

— Хорошо.

Дима целует её.

— Мы в машине.

— Я быстро.

Из кухни кричит Миша:

— Дим, ключи не забудь!

— Я, в отличие от некоторых, не теряю ключи!

— Один раз!

Они продолжают спорить уже на лестнице. Дверь закрывается, голоса становятся глуше. Алина ещё слышит, как Рита требует объяснить, кто и что потерял.

Ирина уносит последние тарелки на кухню. Вика заглядывает к Соне, а Миша собирает со стола оставшиеся чашки. Через минуту оба тоже оказываются на кухне. В комнате остаются Алина и отец.

Сергей стоит у окна. Она подходит, но не вплотную.

— Что случилось?

Он смотрит на улицу, будто сначала должен разобраться с тем, что видит там. Потом поворачивается.

— Гена звонил.

Алина не отвечает.

Из кухни доносится звон посуды. Сергей ждёт, глядя на дочь, и не отводит глаз.

Она понимает: он заметил её испуг.

Глава 2

Алина не сразу находит, что ответить. Из кухни доносится звон посуды: Вика что-то спрашивает у Миши, он отвечает слишком тихо, чтобы разобрать. Ещё минуту назад Алина слышала эти голоса и не прислушивалась. Теперь хочется, чтобы за дверью замолчали.

— Когда? — спрашивает Алина.

— Сегодня.

— Тебе?

Отец кивает.

— Откуда у него твой номер?

— Тот же, что и пятнадцать лет назад.

Алина хмурится.

— Я думала, ты его менял.

— Домашний менял.

Алина проводит ладонью по краю стола, где остался круг от чьего-то стакана.

— И что он хотел?

Отец бросает взгляд в сторону кухни.

— Не здесь. Пойдём вниз.

Он берёт пальто со спинки стула.

— Пап, тебе холодно будет.

— Поэтому я и беру пальто.

— Я не про это.

— А я понял.

Ирина появляется из кухни с полотенцем в руках.

— Вы куда?

— На пять минут, — отвечает Сергей.

— Серёж, на улице сыро.

— Ира.

— Что?

— Пять минут.

Она переводит взгляд на Алину.

— Только недолго.

— Да, мам.

Миша высовывается из кухни.

— Я вас потом отвезу.

Сергей уже надевает пальто.

— Меня никто никуда не везёт. У меня есть машина.

— Пап.

— Миша.

Тот поднимает руки.

— Ладно.

Алина застёгивает своё пальто.

Брат смотрит на неё.

— Всё нормально?

— Да.

Ответ выходит слишком быстрым. Миша хмурится, но ничего не говорит.

Они выходят.

На улице действительно сыро. Дождя нет, но асфальт блестит под фонарями, а под ногами прилипают мокрые листья. Сергей идёт медленно. Алина невольно сбавляет шаг и тут же замечает, что он это заметил.

Через несколько метров он косится на неё.

— Не надо.

— Что?

— Так идти.

— Как?

— Как будто я сейчас развалюсь.

— Я просто иду рядом.

— Ты умеешь ходить быстрее.

— Пап.

Сергей качает головой.

— Всё.

Они доходят до машины Алины. Отец останавливается у пассажирской двери, но не садится — опирается ладонью на крышу.

Алина ждёт.

— Он хочет пересмотра дела, — говорит отец.

— Я поняла.

— Нет. Пока не поняла.

— Тогда объясни.

Сергей поворачивается к ней.

— Он хочет, чтобы его официально реабилитировали. Чтобы в документах больше не значилось, что за рулём был он.

— Спустя пятнадцать лет?

— Именно.

— И как он себе это представляет?

— Пока не знаю. Сказал, что нашёл адвоката, хочет поднимать материалы, подавать заявления. И что ему нужен разговор со мной.

Пальцы Алины сильнее сжимают ремень сумки.

— Зачем с тобой?

— Потому что я был там.

— Ты приехал после.

— Этого достаточно.

Она отворачивается.

На другой стороне двора кто-то закрывает багажник. Женщина ведёт ребёнка за руку к подъезду. Мальчик прыгает через лужи, мать ругается, он смеётся.

— Он сказал, зачем ему это сейчас?

— Да.

Алина снова смотрит на отца.

— И?

Сергей медлит.

— У него дочь.

Она не ожидала.

— Что?

— Шесть лет.

— У Гены?

— Да.

— И что?

Отец тяжело смотрит на неё.

— Он не хочет, чтобы она однажды узнала, что её отца считают убийцей.

На носке её ботинка блестит капля воды. Алина смотрит на неё, пока отец ждёт ответа.

— Он всё равно сидел потом.

— Не за это.

— Я знаю.

Сергей выпрямляется.

— Тогда не говори так.

Алина резко поднимает глаза.

— Как?

— Будто если человек потом сделал что-то ещё, первое уже не имеет значения.

— Я этого не сказала.

— Нет. Не сказала.

Алина первой нарушает молчание:

— Он хочет, чтобы Миша сам всё рассказал?

Отец медленно выдыхает.

— Думаю, да.

— И что ты ему ответил?

— Что мне нужно время.

— Зачем? Здесь нечего решать.

— Есть.

— Пап.

— Что?

Алина качает головой.

— Ничего не изменилось.

— Изменилось.

— Что?

— Прошло пятнадцать лет.

Она коротко усмехается.

— Это как раз ничего не меняет.

— Для тебя — может быть.

— Для Миши тоже.

— Не говори за него.

Алина замолкает.

Каждый год, когда приближается годовщина, Миша становится тише. Звонит отцу. Иногда приезжает. Иногда просто сидит с ним на кухне.

Алина никогда не спрашивает, о чём они говорят.

Не потому что ей всё равно.

Потому что и так понятно.

— Он не выдержит, — говорит она.

— Миша?

— Да. У него Вика. Соня. Кафе. Люди, которые на него работают.

— Я знаю, что у него есть.

— Тогда зачем вообще это обсуждать?

Отец проводит ладонью по лицу.

Сейчас он выглядит старше своих шестидесяти восьми. Не столько больным, сколько измотанным.

— Потому что у Гены тоже была жизнь.

Алина ничего не отвечает.

Сергей повторяет:
— Была.
— Я слышала.
— Не похоже.
Она раздражённо выдыхает.
— А что ты хочешь, чтобы я сказала?
— Ничего.
— Вот именно.
Отец изучает её лицо.
— Ты злишься.
— Конечно, я злюсь.
— На кого?
Она почти отвечает: на Гену.
Но слова не выходят.
— На всё это.
— Удобно.
— Пап, ты сейчас серьёзно будешь читать мне мораль?
Сергей усмехается без улыбки.
— Нет.
— Хорошо.
— Я слишком много сделал, чтобы иметь на это право.
Теперь Алина смотрит на него прямо.
Отец первым отводит глаза.
— Не начинай.
— Я ничего не сказала.
— Я знаю.
— Тогда зачем?
— Потому что знаю, что ты скажешь.
Раздражение становится острее.
— Ты всегда думаешь, что знаешь всё за всех.
— Не всё.
— Достаточно.
— Тогда я был прав.
Алина резко выдыхает.
— Пап, не надо.
— Ты сама начала.
— Нет. Ты начал, когда решил всё за нас.
Отец молчит.

Алина отступает на шаг. Если они продолжат, разговор снова упрётся в ту ночь. Во дворе, рядом с чужими машинами, она этого не хочет.

— Дима ждёт.
— Подождёт.
— Рита тоже.
— Тем более.
— Я не хочу сейчас это обсуждать.
Сергей смотрит на неё.
— А когда?
— Пятнадцать лет было мало?
— Не передёргивай.

— Я не передёргиваю.
— Алина.
— Что?
— Гена вернулся не потому, что хочет нам отомстить.
Она скрещивает руки.
— Откуда ты знаешь?
— Я с ним говорил.
— Пять минут по телефону?
— Двадцать семь.
Алина удивлённо вскидывает брови.
— И что?
— Он не кричал. Не угрожал. Денег не просил.
— Как благородно.
Отец молча смотрит на неё.
Она сразу жалеет о тоне.
— Извини.
Сергей не отвечает.
— Правда, извини.
Напряжение в его лице немного отпускает.
— Он хочет, чтобы его дочь не считала его убийцей.
— Я поняла.
— Нет, Алина. Ты услышала.
Она сжимает губы.
— Он сказал: «За то, что сделал, я уже ответил. Но человека я не убивал».
По животу проходит неприятный холод.
— Он так и сказал?
— Да.
— И что ты ответил?
— Ничего.
— Вообще?
Отец разводит руками.
— А что я должен был ответить?
Алина отворачивается.
Во дворе хлопает дверь подъезда.
Ей вдруг хочется домой.
К Диме.
К Рите.
В машину.
К обычному разговору о том, кто завтра заберёт ребёнка из школы и что купить на ужин.
— Он знает, что ты болеешь?
— Да.
— Откуда?
— Не спрашивал.
— Значит, следил.
— Алина.
Она смотрит на отца.
— Что?
— Город не такой большой. Люди разговаривают.
— Пятнадцать лет не разговаривали, а теперь вдруг начали.

— Не знаю.
— Тебя это не пугает?
— Что именно?
— Что он полез обратно.
Отец задерживает на ней взгляд.
— Тебя пугает?
Алина опускает глаза.
— За Мишу — да.
Ответ звучит ровно.
Сергей ничего не говорит.
Только чуть прищуривается.
Алина первой отводит взгляд.
— Он хочет встретиться со мной?
— Пока нет.
Облегчение приходит слишком быстро.
Она ненавидит себя за это.
— А с Мишей?
— Думаю, захочет.
— Ты ему скажешь?
— Да.
— Сегодня?
— Нет. Завтра.
Алина резко поднимает голову.
— Зачем так быстро?
— Потому что это касается его.
— У него завтра поставка в кафе. Он весь день будет там.
— Значит, вечером.
— Ты можешь хотя бы неделю подождать?
Отец внимательно смотрит на неё.
— Почему неделю?
Она сама не знает. Просто неделя звучит как отсрочка, за которую можно успеть придумать хоть что-нибудь. Хотя за пятнадцать лет никто из них ничего не придумал.
— Потому что у тебя лечение, — говорит она. — У Миши работа. У Сони школа. У всех своя жизнь.
Сергей кивает.
— Именно.
— Что именно?
— У всех своя жизнь. И у Гены тоже.
Он говорит спокойно.
Без упрёка.
От этого хуже.
Алина молчит.
Отец устало прикрывает глаза.
— Всё. Хватит.
Она тут же напрягается.
— Тебе плохо?
— Нет.
— Пап.
— Просто устал.

Алина сразу подходит ближе.
— Сядь в машину.
— Сейчас.
— Не «сейчас». Сядь.
Он смотрит на неё и неожиданно улыбается.
— Вот откуда у тебя это?
— Что?
— Командный тон.
— От мамы.
— Конечно.
Он садится на пассажирское сиденье.
Алина остаётся у открытой двери.
— Я довезу вас.
— Не надо. Дима ждёт.
— Он может забрать Риту и поехать домой.
Сергей собирается возразить, но она не даёт.
— Ты едешь со мной. И мама тоже.
— Я и сам могу вести.
— Нет. Ты устал.
— Я не инвалид.
— Я не сказала, что инвалид.
— Именно так вы все себя ведёте.
— Пап.
Сергей машет рукой.
— Ладно.

Алина закрывает пассажирскую дверь и обходит машину. Через два ряда стоит Димина машина: он за рулём, Рита уже на заднем сиденье.

Алина достаёт телефон.
Я отвезу родителей. Езжайте домой.
Ответ приходит почти сразу.
Ок. Рита ноет, что хочет с тобой.
Алина улыбается.
Переживёт.
Появляются три точки.
Жестокая мать.
Она убирает телефон.
Отец косится на неё.
— Что?
— Ничего.
— Опять это твоё «ничего».
— Не начинай.
— Я молчу.
Она заводит двигатель.
Сергей косится на её руки на руле.
— Не зажимай.
— Пап, ты мне это ещё до прав на пустой дороге говорил.
— И не зря.
— Ещё слово — пойдёшь пешком.
Он усмехается.

* * *

Минут через десять Миша приводит Ирину и открывает перед ней заднюю дверь.

— Я всё-таки могу отвезти.

Ирина садится.

— Мы уже решили.

— Кто?

— Все, кроме тебя.

— Очень демократично.

Он наклоняется к отцу.

— Нормально?

— Нормально.

— Точно?

Сергей вздыхает.

— Миша.

— Всё, понял.

Он закрывает дверь и подходит к Алине со стороны водителя.

Она опускает стекло.

— Что пап хотел?

— По лечению.

Ложь выходит легко.

— Что-то плохое?

— Нет.

Миша смотрит в сторону двора.

— А чего вы тогда на улице полчаса стояли?

— Обсуждали.

— Что?

Алина качает головой.

— Миш, всё нормально.

Он ещё секунду всматривается в её лицо.

Потом кивает.

— Ладно.

— Иди к Вике.

— Командуешь много.

— Кто-то должен.

Миша улыбается.

— Напиши, как доедете.

— Хорошо.

— И папину машину завтра пригоню.

— Договорились.

Он отходит.

С заднего сиденья Ирина говорит:

— Вы в детстве точно так же разговаривали.

Алина смотрит на неё в зеркало.

— Как?

— Как будто всё время спорите, но на самом деле уже договорились.

Мать улыбается.

— Повезло вам друг с другом.

Алина возвращает взгляд на дорогу.

— Да.

Сергей рядом не произносит ни слова.

* * *

До дома родителей ехать пятнадцать минут.

Первые пять Ирина рассказывает про Соню.

Про серьги.

Про торт.

Про то, что Вика похудела и надо бы спросить, всё ли у неё нормально.

Потом наклоняется немного вперёд.

— Серёж, тебе правда сегодня лучше?

— Правда.

— Не врёшь?

— Немного.

— Я знала.

— Поэтому и не спрашивай.

Ирина кладёт ладонь ему на плечо сзади.

— Завтра никуда не пойдёшь.

— Пойду.

— Куда?

— Прогуляюсь.

— Один?

Сергей поворачивает голову.

— Ира.

— Что?

— Я взрослый.

— Особенно когда температура тридцать восемь и два.

— Это было месяц назад.

— Я помню.

Алина слушает знакомую перепалку. Мама допытывается, отец ворчит, потом всё-таки отвечает. В детстве она слышала их такими почти каждый день; сейчас даже эта привычная перебранка успокаивает.

У подъезда Ирина первой выходит из машины.

— Поднимешься?

— Нет, мам. Дима ждёт.

— Передай ему спасибо за подарок.

— Передам.

— И Риту поцелуй.

— Хорошо.

Она закрывает дверь и идёт к подъезду.

Отец остаётся сидеть.

Алина не спрашивает почему.

Ждёт.

— Не говори пока Диме про звонок, — произносит он.

Она поворачивается.

— Почему?

— Пока не понимаем, что Гена собирается делать.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

Алина немного помедлив спрашивает:

— Мише завтра ты скажешь сам?

— Да.
— Я хочу быть там.
Отец смотрит на неё.
— Зачем?
— Потому что я тоже была там.
Он молчит.
— Пап?
— Я услышал. Приходи.
Алина кивает.
Сергей берётся за ручку двери, но не открывает.
— И ещё.
— Что?
Он смотрит перед собой.
— Если Миша решит пойти и всё рассказать — не отговаривай его.
Внутри сразу поднимается злость.
— Ты серьёзно?
Теперь отец поворачивается.
— Да.
— А Вика? Соня?
— Я знаю.
— Нет, не знаешь. Ты не живёшь с ними.
— И ты не живёшь.
— Он мой брат.
— Именно поэтому не решай за него.
Алина смотрит на отца.
— Забавно слышать это от тебя.
На его лице ничего не меняется.
— Знаю.
Он выходит и закрывает дверь.
Алина остаётся одна.

В зеркале Сергей медленно идёт к подъезду. Ирина ждёт у двери, что-то спрашивает, берёт его под руку. Алина смотрит, пока они не скрываются внутри.

Потом берёт телефон.
От Димы три сообщения.
Ты скоро?
Рита съела твою шоколадку.
И через минуту:
Я пытался спасти. Не смог.
Алина улыбается.
Печатает:
Предатели оба. Еду.
Кладёт телефон рядом.
Ещё мгновение сидит неподвижно.
Потом заводит машину.
Ей хочется домой.
Сегодня больше всего — домой.

* * *

Когда Алина открывает дверь квартиры, в прихожей горит только маленький светильник над зеркалом.

Из комнаты слышен телевизор.

Она снимает туфли, вешает пальто и замечает на полу шоколадный фантик. Поднимает его двумя пальцами.

— Даже улики не спрятали, — говорит она.

Из комнаты отвечает Дима:

— Я сразу сообщил о преступлении.

Алина проходит в гостиную.

Рита в пижаме лежит поперёк дивана, поджав ноги. На губе у неё коричневое пятно; улики дочь даже не пыталась уничтожить.

— Мам!

Она вскакивает и бежит к Алине.

— Ты долго.

— Я вижу, ты справилась.

Рита обнимает её за талию.

— Я не специально съела шоколадку.

— Она сама?

— Папа разрешил.

Дима сидит в кресле с телефоном.

— Неправда.

— Ты сказал: «Делай что хочешь».

— После того как пять раз сказал «нет».

Рита поворачивается к Алине.

— Ну значит, разрешил.

— Железная логика.

Алина гладит её по волосам.

— Зубы чистила?

Рита молчит.

— Рита.

— Сейчас.

— Иди.

— Мам, там осталось пять минут!

— Тогда завтра досмотришь.

— Ну мам.

Дима смотрит на дочь поверх телефона.

— Ты уже сегодня украла шоколадку. Не усложняй статью.

— Я не украла!

— Присвоила чужое имущество.

— Пап!

Алина невольно улыбается.

Рита уходит в ванную, громко шаркая тапками.

Дима ждёт, пока закроется дверь.

— Что случилось?

Улыбка исчезает сама.

— Почему что-то должно было случиться?

— Потому что твой отец попросил тебя остаться, вы полчаса ходили по двору, потом ты решила внезапно развозить родителей, а сейчас стоишь и изображаешь человека, у которого ничего не произошло.

Отец просил пока ничего не говорить Диме. Алина помнила об этом всю дорогу домой. Теперь Дима стоит перед ней, и молчание уже будет ещё одной ложью.

Она проходит на кухню.
— Чай будешь?
— Буду. И ответ тоже.
Она включает чайник.
Дима появляется в дверях.
— С отцом всё нормально?
— Да.
— Анализы?
— Нет. Не про лечение.
— Тогда что?
Она достаёт две кружки, потом одну возвращает на полку.
— Мне, наверное, не надо.
— Алин.
Она закрывает шкаф.
— Помнишь, я когда-то рассказывала про Гену?
Дима хмурится.
— Нет.
— Вообще?
— Имя знакомое. Может, ты упоминала.
Алина опирается ладонями о столешницу.
В ванной шумит вода.
— Это было давно.
— Насколько?
— Пятнадцать лет назад.
Дима перестаёт улыбаться.
— Когда тебе было пятнадцать?
— Да.
Чайник щёлкает.
Алина наливает ему воду, бросает пакетик в кружку.
Себе всё-таки достаёт стакан и пьёт обычную воду.
— Что случилось?
Она садится напротив.
Дима тоже садится.
— У Миши тогда была машина.
— В восемнадцать?
— Папина. Но ездил в основном Миша.
— Без прав?
— Права у него уже были.
Дима кивает.
Ждёт.
Алина смотрит на стол.
— Они с Геной дружили. Не прямо лучшие друзья, но одна компания. Гена всегда был… сложный.
— В смысле?
— Дрался. Мог что-нибудь украсть по мелочи. С полицией уже были истории.
— Понял.
— В тот вечер они выпивали.
— Ты тоже?
— Нет.

— Почему?
— Мне пятнадцать было.
Дима улыбается краем губ.
— Как будто это кого-то когда-то останавливало.
— Меня останавливало.
— Ладно.
Она делает глоток воды.
— Потом они поругались.
— Кто?
— Миша с Геной.
— Из-за чего?
— Не помню уже. Какая-то ерунда. Гена вышел из машины и ушёл пешком.
Дима чуть нахмуривается.
— А вы?
— Поехали дальше.
Алина на секунду замолкает.
Из ванной доносится голос Риты:
— Мам!
Она вздрагивает.
— Что?
— Где моя розовая резинка?
— На полке!
— Нету!
— Значит, возьми другую!
— Я хочу розовую!
Дима закрывает глаза.
— Очень вовремя.
Алина встаёт.
— Сейчас.
— Сиди. Я найду.
Он уходит.
Через минуту из коридора:
— Она у тебя на руке!
Потом:
— А.
Дима возвращается на кухню.
— Прошу прощения. Кризис предотвращён.
Он садится обратно.
— Дальше.
Алина проводит пальцем по ободу стакана.
— Начался дождь.
— Сильный?
— Да. Темно было. Дорогу почти не видно.
Она поднимает взгляд.
— Миша был за рулём.
Дима молчит.
Алина продолжает раньше, чем он успевает что-то спросить.
— На дороге оказался мужчина.
— Пешеход?

— Да.

— Миша его сбил?

Она кивает.

Дима откидывается на спинку стула.

— Блядь.

Он сразу морщится.

— Извини.

Она не отвечает.

— Насмерть?

— Не сразу.

— Алин…

— Его отвезли в больницу. Он умер ночью.

Дима несколько секунд просто сидит.

— Вы вызвали скорую?

— Да.

— Сразу?

— Да.

— Ты звонила?

— Я была трезвая. Позвонила папе, потом в скорую, полицию… Я уже плохо помню порядок.

Дима проводит ладонью по подбородку.

— Тебе пятнадцать.

— Да.

— Господи.

Алина смотрит в стакан.

— Папа приехал раньше полиции. Или почти одновременно. Не помню. Подошёл к машине, сказал мне выйти.

Она останавливается.

Дима не перебивает.

— Миша был в шоке. Он выпил. Отец быстро понял, что произошло.

— И где здесь Гена?

Алина поднимает глаза.

— Были свидетели.

— Какие?

— Люди недалеко от дороги. Кто-то видел машину. Потом говорили, что за рулём был парень. Было темно, дождь, лица никто не рассмотрел.

По лицу Димы видно, что он уже понял.

— Нет.

Алина молчит.

— Алина.

— Папа сказал, что за рулём был Гена.

Несколько секунд слышно только, как в комнате работает телевизор.

Дима смотрит на неё.

— А вы?

— Что?

— Вы что сказали?

Она опускает глаза.

— То же самое.

Дима встаёт так медленно, словно не уверен, куда себя деть, и подходит к окну.

— То есть невиновного человека посадили?
— Да.
— Из-за вас?
— Да.
Он проводит обеими ладонями по лицу.
— Господи.
Алина молчит.
— Сколько он сидел?
— Сначала в колонии для несовершеннолетних. Потом…
— Подожди.
Дима поворачивается.
— Он был несовершеннолетний?
— Семнадцать.
— А Миша — восемнадцать.
— Да.
Он несколько секунд смотрит на неё.
— Поэтому?
— Что?
— Поэтому отец выбрал Гену?
Алина сжимает стакан.
— Не только поэтому.
— А почему ещё?
— Гене никто не верил.
— Потому что он дрался и воровал?
— Да.
Дима усмехается.
Не весело.
— Удобно.
Она ничего не отвечает.
Он возвращается к столу, но не садится.
— А Миша?
— Что Миша?
— Он согласился?
— Папа сказал ему, что, если всё вскроется, его посадят.
— И?
— Он испугался.
— Ему восемнадцать.
— Да.
— Совершеннолетний человек.
— Да, Дим.
— И позволил другому сесть вместо себя.
Алина чувствует, как внутри всё напрягается.
— Ему было восемнадцать.
— А Гене семнадцать.
Дима замечает, как она замолкает, и опускает глаза.
— Извини.
— Не надо извиняться.
— Я не на тебя.
— Я понимаю.

Он наконец садится.
— Нет, подожди. Ты-то сколько тогда понимала?
Алина пожимает плечами.
— Достаточно.
— Тебе было пятнадцать.
— Я знала, что мы врём.
— Это не одно и то же.
— Что?
— Знать, что врёшь, и понимать, что будет с человеком потом.
— Я понимала, что его посадят.
Дима медленно выдыхает.
— И отец тебя заставил?
Она задерживает ответ.
— Он сказал, что иначе Миша сядет.
— Это не ответ.
— Какой тебе нужен?
— Он заставил тебя?
Алина проводит ладонью по столу.
— Я его послушала.
Дима смотрит на неё, потом протягивает руку.
Она позволяет ему взять себя за пальцы.
— Господи, Алин.
Жалости она не ждала.
От неё становится только тяжелее.
— Не надо.
— Чего?
— Смотреть на меня так.
— Как?
— Будто мне опять пятнадцать.
— А тебе тогда и было пятнадцать.
— Сейчас нет.
— Я знаю.
Он сжимает её руку.
— Ты столько лет это в себе носила?
Алина усмехается едва заметно.
— Не каждый день об этом думала.
— Но носила.
Алина не отвечает. Из комнаты раздаётся:
— Пап!
Дима закрывает глаза.
— Что теперь?
— Я всё!
— Иди в кровать!
— А мультик?
— Завтра!
— Но…
— Рита.
— Всё!
Хлопает дверь.

Дима снова смотрит на Алину.
— И зачем отец сегодня это поднял?
— Гена вернулся.
— В смысле вернулся?
— Позвонил папе. Хочет пересмотреть дело.
Дима медленно выпрямляется.
— Правильно.
Ответ слишком быстрый.
Алина не успевает подготовиться.
— Что?
— Правильно делает.
— Дим.
— А что?
— Ты даже не знаешь всей истории.
— А что мне ещё надо знать? Человек отсидел за то, чего не делал.
— Потом он ещё сидел.
— За другое?
— Да.
— Тогда это другое. За него он уже ответил.
Алина вспоминает слова отца почти дословно.
Молчит.
Дима замечает.
— Что?
— Ничего.
— Нет. Говори.
— Папа сказал почти то же самое.
— Значит, хоть в чём-то я с твоим отцом согласен.
Алина убирает руку.
— Ты не понимаешь, что будет, если это вскроется.
— С кем?
— Со всеми.
— Например?
Она смотрит на него.
— С Мишей.
— Да.
— С Викой.
— Да.
— С Соней.
Дима замолкает.
Алина продолжает:
— С мамой. С папой. У него лечение. У Миши кафе. Люди. Семья.
— А у Гены ничего нет?
Она молчит.
— Я серьёзно спрашиваю.
— Есть.
— Тогда почему его жизнь опять последняя в очереди?
— Я этого не сказала.
Голос Димы становится тише.
— Но сейчас ты перечислила всех, кроме него.

Алина отводит взгляд.

— Алин.

— Что?

— Я понимаю, что это твоя семья.

— Нет, не понимаешь.

— Почему?

Она хочет ответить.

Не отвечает.

— Просто не понимаешь.

Дима долго смотрит на неё.

— Хорошо.

Он встаёт и наливает себе воды.

— Что Гена хочет?

— Чтобы его официально реабилитировали. Публичное извинение.

— От Миши?

— От семьи, наверное.

— И всё?

— Пока да.

Дима возвращается к столу.

— Он хочет, чтобы Миша сел?

— Папа говорит, ему всё равно.

— А тебе?

— Что мне?

— Если Мишу не посадят. Допустим, срок давно прошёл. Он просто всё расскажет, Гену оправдывают. Ты была бы за?

Вопрос застаёт её врасплох.

Она медлит.

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что это всё равно разрушит его жизнь.

— А сейчас чья разрушена?

— Дим.

— Я не специально давлю.

— Очень похоже.

Он вздыхает.

— Хорошо. Всё.

Алина встаёт.

Убирает стакан в раковину.

Дима подходит сзади и обнимает её.

Она на секунду замирает, потом кладёт ладони поверх его рук.

— Я не злюсь на тебя, — говорит он.

— Я знаю.

— Ты ребёнком была.

Алина закрывает глаза.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что звучит так, будто я вообще ни при чём.

— А ты хочешь, чтобы я тебя обвинял?

— Нет.

— Тогда что?

Она не знает, что ответить.

Дима разворачивает её к себе.

— Ты была пятнадцатилетней девчонкой. Твой отец сказал, что, если ты расскажешь правду, брат сядет. Конечно, ты испугалась.

— Я молчала не только тогда.

Он перестаёт гладить её по спине.

— Что?

— Мне пятнадцать было один год.

Дима смотрит на неё.

Алина продолжает:

— Потом шестнадцать. Семнадцать. Двадцать. Двадцать пять.

Он молчит.

— Я могла сказать в любой момент.

— Почему не сказала?

Алина смотрит ему в глаза.

— Потому что потом стало ещё страшнее.

— Из-за Миши?

— Из-за всех.

Дима прижимает её к себе.

— И что теперь?

Она утыкается лбом ему в плечо.

— Не знаю.

Через несколько секунд он тихо говорит:

— Я знаю, что ты не хочешь это слышать.

Алина не двигается.

— Но если этот человек правда ни в чём не виноват, ему должны вернуть имя.

Она закрывает глаза.

— Даже если из-за этого всё развалится?

Дима отвечает не сразу.

— Не знаю, что развалится.

— Я знаю.

— Нет.

Она отстраняется.

— Что «нет»?

— Ты знаешь, чего боишься. Это не одно и то же.

Он целует её в лоб.

— Пойдём спать.

— Я не усну.

— Тогда полежишь рядом и будешь делать вид.

— Очень полезно.

— Я профессионал.

Она впервые за весь разговор улыбается нормально.

Дима выключает на кухне свет.

Алина идёт за ним в коридор.

У двери детской он останавливается и заглядывает внутрь.

Рита уже спит, сбив одеяло к ногам. Дима заходит, поправляет его и выходит.

Алина стоит в дверях.

— Что? — шепчет он.

Она качает головой.
— Ничего.
Он берёт её за руку.
На этот раз она идёт за ним сразу.

Глава 3

На следующий день Миша пишет без двадцати шесть.

Папа сказал приехать. Ты знаешь зачем?

Алина читает сообщение ещё раз. Вокруг заканчивается обычный рабочий день: коллеги собирают вещи, обсуждают доставку еды, из соседнего кабинета доносится смех. Она остаётся сидеть перед открытым документом.

Она печатает:

Знаю. Я тоже приеду.

Ответ приходит почти сразу.

Всё нормально?

Она набирает ответ, стирает. Пишет ещё раз — и снова удаляет. В конце оставляет одно слово:

Да.

Три точки появляются и исчезают.

Наконец Миша пишет:

Тогда до вечера.

Алина кладёт телефон экраном вниз. До конца рабочего дня двадцать минут; она открывает рабочий документ, но несколько раз подряд читает одну и ту же строку.

* * *

У родителей пахнет запечённой курицей, сладким чаем и лекарствами. За последний год квартира приобрела этот странный, почти постоянный запах: мама теперь готовит ежедневно, даже когда Сергей несколько суток отказывается от еды. На кухне что-то шкварчит, а в прихожей уже висит Мишина куртка.

Миша уже здесь.

Его куртка висит в прихожей.

— Алин? — кричит мама из кухни.

— Я.

Ирина выходит навстречу и сразу целует её в щёку.

— Ты будешь есть?

— Нет, мам.

— Почему?

— Не хочу.

— Ты всегда не хочешь, а потом в десять вечера звонишь и говоришь, что голодная.

— Когда я тебе такое говорила?

Ирина задумывается.

— Неважно. Будешь.

Алина улыбается.

— Хорошо.

— Рита где?

— С Димой.

— Он дома?

— Пока да.

Из комнаты выходит Миша — в спортивных брюках и футболке, с ключами от машины в руке. Обычно он звенит ими без остановки, пока разговаривает.

— Я думал, ты раньше будешь.

— Работа.

— Папа ничего не говорит.

— Потому что хочет сказать один раз.

Миша всматривается в её лицо.

— Ты точно знаешь?

— Да.

— И?

Алина снимает пальто.

— Пойдём.

Он не двигается.

— Алин.

— Что?

— Что случилось?

Она смотрит на брата.

Так было проще вчера, когда его не было рядом.

— Папа скажет.

— Ты сейчас издеваешься?

— Нет.

Миша проводит языком по внутренней стороне щеки. С детства так делает, когда нервничает; Алина каждый раз узнаёт этот жест раньше, чем он сам признаётся, что ему не по себе.

— Ладно.

Он идёт в комнату первым.

Сергей сидит в кресле у окна.

Сегодня выглядит лучше, чем вчера. На нём обычная домашняя кофта, рядом на столике кружка и таблетки.

Алина садится на диван.

Миша остаётся стоять.

— Ну?

Отец указывает на кресло напротив.

— Сядь.

— Я постою.

— Миша.

— Пап, давай без этого. Что произошло?

Сергей выдерживает короткую паузу.

— Гена объявился.

Миша не отвечает. Просто перестают звенеть ключи. Он сжимает их в кулаке так сильно, что Алина видит побелевшие костяшки.

— Как?

— Позвонил мне.

— Когда?

— Вчера.

Миша переводит взгляд на Алину.

— Ты поэтому осталась?

Она кивает.

— Да.

— Почему мне не сказала?

— Папа хотел сам.

Миша коротко смотрит на отца.

— Что ему надо?

— Пересмотр дела.

Ответ звучит просто.

Миша наконец садится.

Кладёт ключи на стол.

— Хорошо.

Алина поворачивает голову.

Сергей тоже смотрит на сына.

Миша замечает.

— Что?

Отец чуть подаётся вперёд.

— Ты услышал?

— Да.

— И?

— А что «и»?

Он переводит взгляд с отца на Алину.

— Он прав.

Из кухни доносится шум воды: мама моет посуду. Она ничего не знает.

Миша проводит ладонью по лицу.

— Пятнадцать лет прошло.

— Именно поэтому надо сначала понять, что он собирается делать, — говорит Сергей.

Миша качает головой.

— Нет.

— Что «нет»?

— Не поэтому.

Он сцепляет руки между коленями.

— Пятнадцать лет прошло, а он всё ещё ходит с этим.

Алина поднимает глаза на брата. Он не оправдывается — говорит так, будто не может поверить, что они сумели прожить столько времени как ни в чём не бывало.

— Миш…

— Подожди.

Он даже не повышает голос.

— Я каждый год думаю об этом.

Сергей откидывается в кресле.

— Я знаю.

— Нет, пап. Ты знаешь, что я звоню тебе в этот день. Это не одно и то же.

Отец молчит.

Миша продолжает:

— Каждый год думаю: вот сейчас поеду. Просто зайду и скажу всё как есть.

— Почему не ехал? — спрашивает Алина.

Он переводит на неё взгляд.

В нём нет раздражения.

Только усталость.

— Сначала боялся.

Она ничего не говорит.

— Мне восемнадцать было, Алин. Я не хотел в тюрьму. Папа сказал, что всё можно оставить как есть. Я согласился.

Миша смотрит на свои руки.

— Потом прошёл год. Два. Я уже понимал, что чем дальше, тем хуже. А потом появилась Вика.

Он замолкает.

Алина чувствует, как напрягаются плечи.

— Потом Соня, — тихо говорит Миша. — И каждый раз я думал: сейчас я пойду и скажу правду — и что будет с ними?

Сергей не вмешивается.

— Мне дали шанс, — продолжает Миша. — Я решил хотя бы не просрать его.

Он коротко усмехается.

— Отлично получилось, да?

— Миш, — говорит Алина.

— Что?

— Ты не просрал.

Он смотрит на неё.

— Это не отменяет Гену.

Алина замолкает.

Миша кладёт ладони на колени.

— Чего конкретно он хочет?

Отец отвечает:

— Чтобы дело пересмотрели. Реабилитации. Публичного признания, что он не был за рулём.

— Денег?

— Нет.

— Чтобы меня посадили?

— Сказал, ему всё равно.

Миша кивает.

— Хорошо.

Сергей хмурится.

— Что хорошо?

— Пусть подаёт.

— Подожди.

— Чего?

— Мы не знаем, что у него есть.

Миша впервые повышает голос:

— А какая разница, что у него есть?

В кухне внезапно стихает вода. Все трое оборачиваются к двери.

Миша сразу говорит тише:

— Мам ничего не знает?

— Нет, — отвечает Сергей.

— Вообще?

— Вообще.

Он закрывает глаза на секунду.

— Господи.

На пороге появляется Ирина.

В руках кухонное полотенце.

— Что я не знаю?

Никто не отвечает.

Она смотрит на мужа.

Потом на сына.

Потом на Алину.

— Что случилось?

Сергей встаёт.

— Ничего. Мы про кафе.

Ирина смотрит на Мишу.
— Что с кафе?
Тот отвечает не сразу.
— Поставщик подвёл.
Алина следит за его лицом.
Ложь даётся ему хуже, чем ей.
Мама хмурится.
— И из-за этого ты кричишь?
— Не из-за этого.
— А из-за чего?
Миша встаёт.
— Мам, правда всё нормально.
Ирина продолжает смотреть на него.
Потом переводит взгляд на Сергея.
— Вы какие-то странные со вчерашнего дня.
— Тебе кажется, — отвечает муж.
— Мне редко кажется.
— Ира.
Она поджимает губы.
— Есть будете?
— Будем, — говорит Сергей.
— Тогда через пять минут.
Она уходит.
Пауза тянется до тех пор, пока Миша снова не садится.
— Ей надо рассказать.
Сергей сразу отвечает:
— Нет.
— Почему?
— Потому что пока нечего.
— Гена объявился.
— И?
— Это её касается.
— Пока нет.
Миша смотрит на отца.
— Ты опять всё решаешь?
Сергей не отвечает.
Алина смотрит на отца: его рука лежит на подлокотнике, пальцы неподвижны. Он и сейчас готов решить всё за остальных.
— Миш, — говорит она.
Он поворачивается.
— Что?
— Папа прав хотя бы в одном. Мы ещё не знаем, что будет.
— Ты тоже хочешь молчать?
— Я хочу сначала понять.
— Что понять?
— Всё.
— Очень конкретно.
Она не отвечает.

Миша встаёт и подходит к окну. Снаружи кто-то заводит машину, свет фар на секунду скользит по потолку.

— Гена хочет со мной встретиться?

Сергей отвечает:

— Пока не говорил.

— Дай ему мой номер.

Алина чувствует, как внутри что-то сжимается.

— Зачем?

Миша оборачивается.

— А почему нет?

— Потому что ты не знаешь, чего он хочет от тебя лично.

— Тогда узнаю.

— Миш…

— Алин, хватит.

Он говорит спокойно.

От этого она замолкает быстрее, чем если бы он повысил голос.

— Я пятнадцать лет не разговаривал с человеком, который сел вместо меня.

Он смотрит на сестру.

— Наверное, пора.

Сергей встаёт.

— Я не дам ему твой номер без разрешения.

— Я только что разрешил.

— Хорошо.

Алина переводит взгляд на отца.

Он выглядит недовольным.

Но спорить не начинает.

Миша замечает её взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Ты тоже против?

— Я не знаю.

— Знаешь.

— Нет.

Он усмехается.

— Вы с папой сегодня особенно похожи.

Алина чувствует укол раздражения.

— Не начинай.

— Я не начинаю.

— Тогда не надо.

Миша ещё немного смотрит на неё.

Потом неожиданно улыбается.

— Ладно.

Так легко, будто они опять спорят из-за какого-нибудь семейного пустяка. Алине от этого становится только хуже.

* * *

За ужином мама говорит почти одна: про школу, коллегу, которая опять ушла на больничный, и Соню, которой нужна новая куртка. Миша вовремя кивает и отвечает, Сергей ковыряет еду вилкой. Алина жуёт курицу, почти не чувствуя вкуса, и старается не встретиться с братом глазами.

Ирина несколько раз смотрит на них подозрительно, но больше не спрашивает.

Когда Миша собирается домой, Алина выходит с ним в прихожую.

Он надевает куртку.

— Дим знает? — спрашивает тихо.

Она кивает.

— Вчера рассказала.

— Всё?

— Всё, что могла.

Миша застёгивает молнию.

— И что он?

— Сказал, Гена прав.

Брат усмехается.

— Умный мужик.

— Ты совсем не злишься?

— На Диму?

— На Гену.

Улыбка исчезает.

— Злюсь.

Ответ приходит сразу.

Алина ждёт.

Миша берёт ключи.

— Очень.

— Но?

Он смотрит на неё.

— Никаких «но». Я его ненавижу за то, что он вернулся именно сейчас. За то, что из-за него Вика может всё узнать. Соня. Мама.

Он замолкает.

— И всё равно он прав.

Алина опускает глаза.

Миша касается её плеча.

— Эй.

Она поднимает голову.

— Ты-то чего?

— Ничего.

— Не ври.

— Переживаю за тебя.

Он улыбается совсем слабо.

— Я большой уже.

— Я заметила.

— Тридцать три.

— Древний.

— Вот видишь.

Алина тоже улыбается.

Миша открывает дверь, потом останавливается.

— Ты же понимаешь, я никогда не забывал?

Она перестаёт улыбаться.

— Знаю.

— Я правда хотел тогда рассказать.

— Я знаю.

— И потом хотел.

Алина кивает.

Он смотрит на неё так, будто этого недостаточно.

— Если бы не ты…

Она напрягается.

Миша продолжает:

— Я не знаю, что бы со мной тогда было.

Алина молчит.

— Ты всё это время была рядом.

Он обнимает её так крепко, что ключи в его руке упираются ей в спину. Алина закрывает глаза.

— Всё будет нормально, — говорит она.

Миша тихо смеётся ей в волосы.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что так и будет.

Он отпускает её.

— До завтра?

— Да.

— Позвони, как доедешь.

— Это я должна тебе говорить.

— Поздно.

Он уходит.

Алина закрывает дверь и на пару вдохов остаётся в прихожей. За дверью слышатся удаляющиеся шаги брата.

Из кухни мама зовёт:

— Алин, будешь чай?

Она смотрит на закрытую дверь.

— Буду.

Голос звучит нормально.

Только после этого Алина идёт на кухню.

Глава 4

Через два дня, прямо во время обеда, на столе Алины вибрирует телефон. Незнакомый номер. Гена не предупредил, что позвонит.

Алина смотрит на экран несколько секунд, потом сбрасывает.

Через минуту приходит сообщение.

Это Гена.

Она перечитывает два слова несколько раз.

За соседним столом коллега ковыряет гречку из контейнера и жалуется на коммуналку, у принтера кто-то смеётся. Алина снова берёт телефон.

Поговорить надо. Без твоего брата.

Она сразу блокирует экран.

Через несколько секунд снова включает.

Пишет:

Откуда у тебя мой номер?

Ответ приходит быстро.

У Сергея попросил.

Алина хмурится.

О чём говорить?

О том что было.

Она стирает сообщение, которое уже начала набирать.

Потом пишет другое:

По телефону.

Нет.

Алина раздражённо выдыхает.

Почему?

На этот раз Гена отвечает не сразу.

Пятнадцать лет за меня говорили протоколы, приговоры и чужие показания. Хочу один раз нормально посмотреть в глаза.

Она перечитывает сообщение и убирает телефон в сумку. До конца обеда ещё двадцать минут, но есть уже не хочется.

* * *

Вечером Алина рассказывает Диме.

Дима вытирает вымытую тарелку. Когда Алина упоминает Гену, он перестаёт двигать полотенцем, но не перебивает.

— И ты пойдёшь?

— Не знаю.

— Пойдёшь.

Она смотрит на него.

— Почему ты решил?

— Потому что иначе будешь неделю думать, что он хотел сказать.

— Может, я не хочу знать.

Дима кладёт тарелку в сушилку.

— Тогда не ходи.

— Ты только что сказал обратное.

— Потому что ты всё равно пойдёшь.

Алина прислоняется к холодильнику.

— Откуда ты знаешь?

— Тринадцать лет.
— Очень содержательно.
— Мне хватает.
Он берёт следующую тарелку.
— Где он хочет встретиться?
— Пока нигде.
— Тогда выбери сама.
— Зачем?
— Чтобы тебе было спокойнее.
— Я не боюсь, что он на меня нападёт.
Дима пожимает плечами.
— Хорошо. Но всё равно общественное место.
— Ты сейчас звучишь как папа.
— Не оскорбляй меня.
Она почти улыбается.
Дима ставит тарелку.
— Хочешь, я пойду с тобой?
— Нет.
— Я могу сидеть отдельно.
— Дим.
— Всё. Молчу.
Он кладёт полотенце на край раковины и касается её плеча.
— Просто напиши, когда закончите.
— Хорошо.
— И если он начнёт тебя обвинять…
Алина перебивает:
— Имеет право.
Дима замолкает.
Она сама удивляется, как спокойно это сказала.
— Ладно, — отвечает он. — Тогда хотя бы не позволяй ему орать на тебя.
— Я справлюсь.
— Я знаю.
Именно это почему-то раздражает сильнее всего.
* * *
Они договариваются на следующий вечер.
Небольшое кафе недалеко от центра.
Алина приходит на десять минут раньше и заказывает чай. Чашка стоит перед ней нетронутая, на блюдце уже расплылось мокрое кольцо.
Гена появляется ровно в семь.
Она узнаёт его сразу, хотя от того худого, длинноволосого парня в растянутой толстовке осталось немногое. Волосы теперь короткие, лицо шире, под глазами тёмные круги. На правой брови шрам, которого раньше не было.
На нём простая чёрная куртка и джинсы.
Гена замечает её возле окна, на секунду останавливается и подходит.
— Алина?
— Да.
— Я понял.
Он садится напротив.
Не снимает куртку.

Алина смотрит на его руки.

Широкие ладони, сухая кожа, мелкие царапины у основания пальцев.

Гена замечает её взгляд.

— На работе.

— Я ничего не спросила.

— А я ответил.

Голос ниже, чем она ожидала. Впрочем, она едва ли сумела бы вспомнить, каким он был пятнадцать лет назад.

Официантка подходит.

— Вам что-нибудь?

— Кофе. Чёрный.

— Американо?

Гена смотрит на неё.

— Да хоть какой.

Официантка чуть улыбается и уходит.

Алина опускает взгляд в чашку.

— Ты хотел поговорить.

— Хотел.

— Я пришла.

— Вижу.

Гена первым отводит глаза.

— Ты похожа на мать.

Алина неожиданно напрягается.

— Ты её помнишь?

— Конечно.

— Вы почти не общались.

— Я у вас дома был.

Она не может вспомнить Гену у них дома. Или не хочет.

— Один раз, — добавляет он. — Может, два.

— Возможно.

Приносят кофе.

Гена делает большой глоток, обжигается и с недовольным стуком возвращает чашку на блюдце.

— Горячий, блядь.

Алина невольно смотрит на него.

Он замечает.

— Что?

— Ничего.

— Ты никогда не материлась.

— И сейчас не матерюсь.

— Я вижу.

Он усмехается.

Впервые становится видно того семнадцатилетнего Гену, которого она помнит.

На секунду.

Потом лицо снова становится серьёзным.

— Сергей рассказал, чего я хочу?

— Да.

— Всё?

— Думаю.

Гена крутит чашку.
— Михаил знает?
— Да.
Его пальцы останавливаются.
— И?
— Что «и»?
— Что сказал?
Алина медлит.
— Что ты прав.
Гена долго смотрит на неё.
— Серьёзно?
— Да.
Он откидывается на спинку стула.
— Охуеть.
Алина ничего не говорит.
— Извини.
— За что?
— Ты ж не материшься.
— Мне всё равно.
— А по лицу не скажешь.
— Гена.
Он поднимает ладонь.
— Всё. Понял.
Немного погодя спрашивает:
— Он хочет признаться?
— Не знаю.
Это не совсем правда.
И Гена, кажется, это чувствует.
— Алина.
— Что?
— Не надо со мной вот этого.
— Чего?
— Будто ты не понимаешь, о чём я.
— Я понимаю.
— Тогда?
Алина опускает чашку.
— Он сказал, что готов с тобой поговорить.
Гена замирает.
— Со мной?
— Да.
— Сам?
— Сам.
Он коротко смеётся.
Не весело.
— Пятнадцать лет понадобилось.
Алина молчит.
— Телефон мой у него есть?
— Папа должен был дать.
— Не дал.

Она удивляется.
— А мой дал.
— Да.
— Его — нет?
Гена качает головой.
— Вот и всё.
Алина ничего не отвечает.
Он достаёт телефон и кладёт на стол.
— Дай номер.
— Миши?
— Нет, блядь, президента.
Она поднимает глаза.
Гена сразу выдыхает.
— Извини. Правда.
— Ты всегда так разговариваешь?
— Сейчас ещё хорошо.
— Понятно.
Она достаёт телефон.
На секунду останавливается.
Потом диктует номер.
Гена сохраняет.
— Спасибо.
— Не за что.
Он смотрит на экран.
Не звонит.
Просто кладёт телефон обратно.
— Я не хочу, чтобы он сел.
Алина поднимает глаза.
— Что?
— Мне похуй, посадят его или нет.
Он говорит спокойно.
— Я не за этим пришёл.
— Тогда за чем?
— Я Сергею сказал.
— Я хочу услышать от тебя.
Гена смотрит на неё.
— Хочу, чтобы в деле больше не стояло, что это сделал я. Чтобы меня официально реабилитировали. И если обо мне где-то писали как об убийце — чтобы это тоже исправили.
— Это не так просто.
— Я знаю.
— Дело пятнадцатилетней давности.
— Я знаю.
— Понадобятся заявления. Проверки.
— Алина, я, блядь, знаю.
Несколько человек за соседним столом оборачиваются.
Гена замечает.
Снижает голос.
— У меня адвокат есть. Я не вчера проснулся и решил, что пойду справедливость искать.
— Хорошо.

— Мне не надо, чтобы ты объясняла процедуру.
— Я не объясняю.
— Тогда зачем?
Алина поворачивает чашку за ручку. Чай давно остыл.
— Потому что всё это снова затронет людей.
— Каких?
Она смотрит на него.
— Ты знаешь.
— Нет. Скажи.
— Мишу. Его жену. Ребёнка. Моих родителей.
Гена усмехается.
— А.
— Что?
— Ничего.
— Нет. Говори.
Он наклоняется ближе.
— Ты сейчас реально перечислила мне, чьи жизни жалко?
Алина чувствует жар в лице.
— Я не так сказала.
— Именно так.
— У Миши дочь.
— У меня тоже.
Она замолкает.
Гена смотрит ей в глаза.
— Шесть лет.
Алина кивает.
— Папа сказал.
— Марина не даёт мне нормально с ней видеться.
— Почему?
— Боится, что в школе узнают.
Он проводит большим пальцем по краю чашки.
— Пока Лера маленькая, ей можно рассказывать, что папа просто живёт отдельно. Что папа работает. Что папа занят.
Гена усмехается.
— Через пару лет она сама научится гуглить.
Алина ничего не говорит.
— И что я ей скажу?
— Правду.
Он смотрит на неё.
— Какую?
Вопрос звучит резко.
Алина не отвечает.
Гена подаётся назад.
— Вот именно.
Официантка подходит и спрашивает, принести ли что-нибудь ещё.
Оба отказываются.
Когда она уходит, Гена говорит:
— Я сидел не только из-за вас.
— Я знаю.

— Потом уже сам.

— Знаю.

— Дрался. Пил. Опять сел.

Гена перечисляет это ровно, без попыток выставить себя лучше. Алина впервые за вечер видит, как сильно он устал.

— Это моё.

— Что?

— Вот это всё — моё. За это я отвечаю.

Он постукивает пальцем по столу.

— Я могу дочери сказать: да, папа был мудаком. Папа пил. Папа дрался. Папа сел второй раз, потому что не умел остановиться.

Алина слушает.

Гена продолжает:

— Но я не могу сказать ей, что убил человека. Потому что я его не убивал.

У Алины пересыхает во рту.

Алина тянется к уже холодному чаю.

— Ты ненавидишь Мишу?

Гена даже не думает.

— Да.

Ответ спокойный.

От этого звучит хуже.

— Прямо ненавидишь?

— А как мне его любить?

— Я не это спрашиваю.

— Тогда да. Ненавижу.

Он делает ещё глоток кофе.

— Иногда меньше. Иногда сильнее. Когда бухал — вообще только об этом и думал.

— О нём?

— О том, что он живёт.

Алина замирает.

Гена замечает.

— Не в смысле убить его.

— Я ничего не сказала.

— По лицу сказала.

Он качает головой.

— Я сидел и думал: он там живёт. Ест. Трахает кого-нибудь. Потом женится. Дети будут.

Алина сжимает губы.

— У него один ребёнок.

— Я знаю.

— Откуда?

— Мир маленький.

Он смотрит на неё.

— Я не слежу за вами, если ты опять об этом.

— Я не сказала.

— Но подумала.

Алина ничего не отвечает.

Гена устало улыбается.

— Ты всегда была такая?

— Какая?

— Тихая снаружи.

Она смотрит на него.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Тебе пятнадцать было.

Эта фраза задевает сильнее, чем должна.

Алина отводит взгляд.

— Ты на меня злишься?

Гена пожимает плечами.

— Злился.

— А сейчас?

— Сейчас мне тридцать два.

— Это не ответ.

— А что ты хочешь услышать?

Она не знает.

Он смотрит на неё ещё несколько секунд.

— Я знаю, почему ты молчала.

Алина напрягается.

— Почему?

— Брат.

Он произносит это так просто, что ей на мгновение становится нечем дышать.

Гена продолжает:

— Тебе пятнадцать. Отец говорит: откроешь рот — посадят Мишку. Что ты сделаешь?

Алина молчит.

— Конечно, выберешь брата.

Она опускает взгляд.

— Ты меня оправдываешь?

— Нет.

Ответ приходит сразу.

— Я тебя понимаю.

— Есть разница?

— Огромная.

Гена достаёт пачку сигарет, замечает на стене табличку «Не курить» и убирает пачку обратно, даже не открыв.

— Я понимаю, почему ты это сделала. Но из колонии меня это не выпустило.

Алина медленно кивает.

— Я знаю.

— Вот и всё.

Он допивает кофе.

— Я не хочу от тебя денег. Не хочу, чтобы ты публично плакала и рассказывала, какая была маленькая.

Алина поднимает взгляд.

— А что хочешь от меня?

Гена отвечает не сразу.

— Когда начнётся, не ври ещё раз.

Она чувствует, как холодеют пальцы.

— Что значит «ещё раз»?

— Ты знаешь.

Голос у него спокойный.

Без обвинения.

Алина медленно выдыхает.
— Хорошо.
Гена кивает.
— Всё.
— Всё?
— А ты думала, я тебя сюда привёл орать?
— Не знала.
— Если бы хотел орать, позвонил бы Михаилу.
Он встаёт.
Достаёт кошелёк.
Алина тоже тянется за сумкой.
— Я сама.
— Я за кофе.
— А я за чай.
— Ну так плати за чай.
Алина впервые за весь разговор слабо улыбается. Гена, конечно, замечает.
— Вот. Уже прогресс.
— Какой?
— Ты перестала смотреть, будто я сейчас нож достану.
Улыбка исчезает.
— Я так не смотрела.
— Смотрела.
Он кладёт деньги на стол.
— Ладно.
— Что?
— Ничего.
Алина вздыхает.
— У вас семейное?
— Что?
— Это «ничего».
Она неожиданно вспоминает отца.
И Диму.
— Возможно.
Гена надевает куртку.
— Я Мише сегодня напишу.
Она сразу напрягается.
— Хорошо.
Он смотрит на неё.
— Ты сейчас врёшь.
— Нет.
— Ладно.
Гена уже собирается уходить, когда Алина спрашивает:
— Марина тебя любит?
Он останавливается.
Поворачивается.
— С чего ты взяла?
— Не знаю.
Он думает.
— Наверное.

— А ты её?
— Да.
Ответ тихий.
— Тогда почему вы не вместе?
Гена переводит взгляд к окну.
— Потому что иногда любви недостаточно.
Он толкает дверь кафе плечом. С улицы тянет прохладой.
— Пока, Алина.
— Пока.
Он уходит.
Алина остаётся за столом.
Телефон лежит рядом.
Через несколько минут приходит сообщение от Димы.
Ты там?
Она отвечает:
Да. Закончили.
Всё нормально?
Алина смотрит через стекло на улицу.
Гены уже не видно.
Она отвечает сразу:
Да.

Глава 5

Миша звонит в одиннадцать вечера. Дима рядом листает что-то в телефоне, Рита давно спит. Алина видит имя брата и садится на кровати: в такое время он обычно не звонит просто поболтать.

— Да?

— Он написал.

Дима убирает телефон.

Алина босиком выходит в коридор и прикрывает за собой дверь спальни.

— Гена?

— Угу.

— Что написал?

— Спросил, когда можем поговорить.

Она прислоняется плечом к стене.

— И что ты ответил?

— Завтра.

— Так быстро?

На том конце тихо.

— А чего ждать?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

— Где?

— У меня.

Алина замирает.

— В кафе?

— После закрытия.

— Миш, может, лучше где-нибудь…

— Где?

Она не отвечает.

— Алин, я не хочу сидеть с ним в очередной кофейне между чужими людьми и делать вид, что обсуждаем погоду.

— Хорошо.

— Я хочу, чтобы ты пришла.

Она молчит.

— Ты слышишь?

— Да.

— Придёшь?

— Он хочет говорить с тобой.

— Я знаю.

— Может, ему не понравится, что я там.

— Тогда скажет.

Миша ненадолго замолкает.

— Я не хочу один.

Он произносит это почти шёпотом. Брат редко просит о помощи, а уж так — никогда. Алина сильнее прижимает телефон к уху.

— Хорошо. Я буду.

— Спасибо.

— Во сколько?

— В десять.
— Ладно.
Она уже собирается отключиться, когда Миша спрашивает:
— Ты с ним нормально поговорила?
— Да.
— Он орал?
— Нет.
— Угрожал?
— Нет.
— Обвинял тебя?
Алина смотрит в тёмный коридор.
— Нет.
— Странно.
— Почему?
— Не знаю.
Он выдыхает.
— Я бы на его месте, наверное, обвинял всех.
— Он не такой, как ты помнишь.
— А я почти не помню.
— Я тоже так думала.
Миша усмехается.
— Отлично. Завтра познакомимся заново.
— Миш.
— Что?
Она не знает, что хотела сказать.
— Ничего. До завтра.
— Спокойной.
— Спокойной.
Алина возвращается в спальню.
Дима смотрит на неё.
— Встречаются?
— Завтра.
— Ты тоже?
— Миша попросил.
Дима кивает и откладывает телефон. На этот раз даже не пытается ничего советовать.
Алина ложится обратно.
Через минуту он кладёт ладонь ей на живот.
— Уснёшь?
— Не знаю.
— Тогда лежи.
Она поворачивается к нему.
— Очень полезный совет.
— Я вообще кладезь.
Алина закрывает глаза.
Сон не приходит ещё долго.
* * *

На следующий вечер без десяти десять Алина останавливается у кафе Миши. Вывеска ещё горит, за большими окнами видны несколько последних посетителей.

За одним столиком сидят две девушки, у окна мужчина допивает кофе и смотрит в ноутбук.

Миша стоит за стойкой и разговаривает с бариста.

Увидев Алину, кивает.

Она снимает пальто.

— Он писал?

— Нет.

— Может, не придёт.

Миша машинально проводит ладонью по уже чистому краю стойки.

— Придёт.

Алина не спрашивает, откуда такая уверенность.

Последние посетители уходят около десяти.

Бариста надевает куртку.

— До завтра, Миш.

— Давай. Закрой снаружи.

Девушка замечает Алину.

— Пока.

— Пока.

Дверь за бариста закрывается, Миша переворачивает табличку на «Закрыто». Без посетителей кафе кажется больше; слышно, как под стойкой негромко гудит холодильник.

Алина садится за столик у стены.

Миша собирает чашки с соседнего столика.

— Ты зачем работаешь?

— А что делать?

— Не знаю. Сесть.

— Я пятнадцать минут назад закрылся.

— У тебя сотрудники есть.

— И что?

Она следит, как он относит посуду за стойку.

— Нервничаешь?

— Очень.

Отвечает сразу.

Миша включает кофемашину.

— Будешь?

— Нет.

— Я буду.

— Ты потом вообще уснёшь?

— А я сегодня и не рассчитываю.

В стеклянную дверь стучат. По ту сторону стоит Гена, засунув руки в карманы куртки. Кофемашина продолжает шуметь, но ни Алина, ни Миша не двигаются.

Миша задерживается у двери, глядя на него через стекло.

Потом идёт открывать.

— Привет.

— Привет.

Гена входит.

Сначала смотрит на Мишу.

Потом замечает Алину.

— Ты тоже здесь.

— Миша попросил.

Гена переводит взгляд обратно на него.

— Нужна группа поддержки?

Миша не отвечает на колкость.

— Я хотел, чтобы она была.

Гена пожимает плечами.

— Твоё кафе.

Гена снимает куртку; под ней тёмная толстовка. Миша привычно протягивает руку.

— Повесить?

— Сам.

Гена вешает её на спинку ближайшего стула.

Гена не спешит к столу. Оглядывает стойку, фотографии на стене, меню, полки с банками кофе. Алина наблюдает, как он осматривает место, которое Миша построил за эти годы.

Гена замечает небольшую фотографию возле кассы.

На ней Миша, Вика и Соня летом. Все трое щурятся от солнца.

Гена задерживается у фотографии на пару секунд, затем проходит к столу и садится. Миша устраивается напротив, Алина — сбоку, ближе к стене.

Несколько секунд никто не начинает.

Миша кладёт руки на стол.

— Я не знаю, что тебе сказать первым.

Гена смотрит на него.

— Попробуй правду.

Миша кивает.

— Хорошо.

Он делает вдох.

— Я знаю, что ты не был за рулём.

У Гены дёргается угол рта.

— Сильное начало.

Миша не отводит взгляда.

— Я знал и тогда.

Гена перестаёт усмехаться.

— Вот это уже лучше.

Алина сидит неподвижно.

Миша продолжает:

— Я не буду тебе рассказывать, что мне было восемнадцать и я испугался.

— Почему? Удобная версия.

— Потому что тебе было семнадцать.

Гена кивает.

— Хотя бы считать умеешь.

Миша принимает и это.

— Я позволил отцу всё решить.

— Нет.

Миша хмурится.

— Что?

— Не «позволил».

Гена наклоняется к столу.

— Ты согласился.

Миша выдерживает его взгляд.

— Да.

— Вот.

Гена откидывается обратно.

— Так честнее.

Миша опускает взгляд на свои руки.

— Я согласился.

Миша не пытается объяснить, почему согласился. Просто повторяет то, что Геннадий заставил его назвать своим словом.

Гена спрашивает:

— Ты хоть раз пытался меня найти?

Миша поднимает голову.

— Нет.

— Написать?

— Нет.

— Через кого-нибудь передать?

— Нет.

— Понятно.

Миша сжимает губы.

— Я каждый год собирался рассказать.

Гена коротко, почти беззвучно смеётся.

— Мне-то какая разница?

Миша замолкает.

— Нет, правда, — продолжает Гена. — Ты каждый год собирался. Я каждый год сидел с этой фамилией в приговоре. Где мы должны встретиться посередине?

— Нигде.

Гена чуть подаётся вперёд.

— Что?

— Нигде.

Миша тоже наклоняется к столу.

— Я не говорю тебе это, чтобы стало легче мне. И не прошу понять.

— Хорошо.

— Я говорю, потому что ты спросил.

Гена проводит пальцами по краю стола.

— А сейчас почему согласился?

— На что?

— На пересмотр.

Миша непонимающе хмурится.

— Потому что ты не виноват.

— Это ты пятнадцать лет назад тоже знал.

— Знал.

— Значит, причина другая.

Алина чувствует, как напрягается.

Миша отвечает не сразу.

— Потому что я устал жить так, будто ещё можно что-то отложить.

Гена смотрит на него.

— Красиво.

— Как есть.

— У тебя жена знает?

— Нет.

— Дочь?

— Ей десять.

— Это не ответ.

Миша проводит большим пальцем по костяшке.

— Нет.

— Мать?

— Нет.

Гена переводит взгляд на Алину.

— А муж твой знает.

Она кивает.

— Да.

— Быстро вы.

Алина ничего не отвечает.

Гена снова обращается к Мише.

— Значит, ты готов сказать всё официально?

— Да.

— Не мне.

— Я понял.

— Следователю. Суду. Куда адвокат скажет.

— Да.

Гена некоторое время сидит неподвижно. Он требовал именно этого ответа, но теперь, получив его, не выглядит довольным.

— И фамилию свою в новости тоже готов увидеть?

Миша пожимает плечами.

— Если до этого дойдёт.

— Кафе потерять?

Алина поворачивается к Гене.

— Зачем ты…

Он поднимает ладонь.

— Я с ним говорю.

Миша коротко касается её локтя.

— Всё нормально.

Потом снова обращается к Гене.

— Если потеряю — значит, потеряю.

— Жену?

Миша напрягается.

— Не тебе решать.

— Вот.

Гена чуть улыбается.

— Нашлось.

— Что нашлось?

— То, что жалко.

Миша смотрит на него тяжело.

— Мне всё жалко.

— Конечно.

— Вику. Соню. Маму. Отца. Кафе.

Он на миг умолкает.

— И тебя тоже.

Гена уже открывает рот для ответа, но передумывает и молчит.

— Меня не надо жалеть.

— А я и не жалею.

— Тогда что?
— Мне жаль, что это с тобой сделали.
Гена на секунду замирает.
Потом кивает на Алину.
— «Сделали»?
Миша прослеживает его взгляд.
— Я в том числе.
— Вот теперь правильно.
Алина чувствует, как пальцы сами сжимаются на коленях.
Гена поворачивается к ней.
— Ты чего молчишь?
— Вы разговариваете.
— Ты там тоже была.
— Была.
— И что?
Алина касается края стола кончиками пальцев.
— Что ты хочешь услышать?
— Не знаю. — Гена пожимает плечами. — Может, что-нибудь настоящее.
Миша поворачивается к сестре.
Она чувствует его внимание.
Гена тоже ждёт.
— Я не могу вернуть тебе пятнадцать лет, — говорит Алина.
— Это я уже понял.
— И не могу сделать так, чтобы ничего этого не было.
— Тоже.
Она делает вдох.
— Но если тебе нужно, чтобы я дала показания, я дам.
Гена не сводит с неё глаз.
— Правдивые?
Вопрос звучит почти буднично.
Алина отвечает:
— Да.
Он кивает.
— Хорошо.
Миша поворачивается к ней.
— Тебя никто не заставляет.
Она смотрит на брата.
— Я знаю.
— Алин.
— Я знаю, Миш.
Он больше ничего не говорит.
Гена берёт со стола бумажную салфетку, складывает пополам.
Потом ещё раз.
— А Сергей?
Миша отвечает:
— Что Сергей?
— Тоже всё расскажет?
Тишина становится плотнее.
Алина первой отводит взгляд.

— С ним тебе надо говорить самому, — говорит Миша.
— Уже говорил.
— И?
Гена усмехается.
— Твой отец всё ещё считает, что может решить, кому сколько знать.
Миша проводит ладонью по затылку.
— Это на него похоже.
— Он тебе номер мой хотя бы дал?
— Нет.
— Я так и понял.
Гена смотрит на Алину.
— Хорошо, что сестра есть.
Миша тоже переводит на неё взгляд.
— Да.
Алина не отвечает.
Гена разворачивает салфетку обратно.
— Адвокат хочет сначала поднять материалы. Потом уже решать, как подавать.
— Хорошо, — говорит Миша.
— Я дам ему твой номер.
— Давай.
— Он сам позвонит.
— Хорошо.
Гена раздражённо морщится.
— Не говори всё время «хорошо».
Миша неожиданно улыбается.
— А что мне говорить?
— Не знаю.
— Вот и я.
Гена задерживает на нём взгляд.
Потом тоже коротко усмехается.
Миша встаёт.
— Я всё-таки сделаю кофе.
— Я не просил.
— А я себе.
— Тогда делай.
Миша уходит за стойку. Гена следит, как тот снимает чашку с кофемашины.
Алина остаётся напротив.
— Ты специально так? — спрашивает она тихо.
— Как?
— Про Вику. Кафе.
— Да.
— Зачем?
Гена смотрит на неё.
— Хотел посмотреть, где у него закончится правильный человек.
— И?
— Не знаю пока.
Алина качает головой.
— Ты сам сказал, что не хочешь мести.
— Я и не мщу.

— Очень похоже.
— Если бы мстил, было бы понятнее.
Он откидывается на стуле.
— Я пятнадцать лет представлял его мудаком.
Алина смотрит на Гену.
Он продолжает:
— Так проще было.
За стойкой шумит кофемашина.
Гена говорит тише:
— А он, сука, нормальный.
Алина невольно приподнимает уголок рта.
— Это тебя расстроило?
— Очень.
Миша возвращается с чашкой.
— Что?
— Ничего, — отвечает Гена.
Миша смотрит на Алину.
Она пожимает плечами.
— Семейное, — говорит Гена.
Миша хмыкает.
— Уже научился.
Он садится.

Потом они несколько минут обсуждают документы: какие материалы остались у Гены, когда позвонит адвокат, что ещё придётся запрашивать. Миша записывает имя адвоката в телефон и даже уточняет фамилию по буквам. Со стороны это могло бы выглядеть как обычная деловая встреча. Алине трудно поверить, что совсем недавно оба не знали, смогут ли вообще сидеть за одним столом.

Потом Гена встаёт.
— Всё.
Миша тоже поднимается.
— Я провожу.
— Дверь вижу.
— Я открою.
Гена надевает куртку.
У двери останавливается.
Смотрит на Мишу.
— Я тебя не прощаю.
Миша кивает.
— Я не просил.
— И не знаю, прощу ли вообще.
— Понял.
Гена берётся за ручку двери.
— Но если не сольёшься — это уже что-то.
— Не сольюсь.
Гена переводит взгляд на Алину.
— Ты тоже?
Она выдерживает его взгляд.
— Тоже.
Он кивает.

— Ладно.
И выходит.
Миша закрывает дверь.
Не поворачивается сразу.
Стоит спиной к Алине, глядя сквозь стекло на улицу.
Гена идёт вдоль тротуара.
Через несколько секунд исчезает за углом.
— Ну? — спрашивает Миша.
— Что?
Он поворачивается.
— Как я выступил?
— Ты идиот.
— Это я знал до встречи.
— Тогда зачем спрашиваешь?
Он улыбается.
Ненадолго.
Потом садится на край ближайшего стола.
— Я думал, он ударит.
— Я тоже.
— Честно?
— Немного.
Миша растирает ладонью подбородок.
— Было бы проще.
— Тебе?
— Наверное.
Алина подходит ближе.
— Не говори ерунду.
— Я серьёзно.
— Тем более.
Он смотрит на неё снизу вверх.
— Ты правда готова давать показания?
Алина останавливается.
— Да.
— Из-за меня не надо.
— Я сказала не из-за тебя.
— А из-за кого?
Она смотрит на брата.
— Из-за Гены.
Миша кивает.
— Правильно.
Алина чувствует раздражение.
— Не надо меня хвалить.
— Я не хвалю.
— Звучит именно так.
— Хорошо.
Миша улыбается.
— Извини.
Алина качает головой.
Он встаёт.

— Поехали домой?
— Давай.
Миша выключает свет за стойкой.
Потом в зале.
Остаётся только подсветка у входа.
Перед тем как выйти, Алина замечает фотографию возле кассы.
Миша, Вика и Соня.
Та самая, на которую смотрел Гена.
— Что? — спрашивает брат.
— Ничего.
Миша подхватывает куртку со спинки стула.
— Не начинай.
— Я молчу.
Они выходят на улицу.
Миша закрывает кафе.
Телефон Алины вибрирует.
Дима.
Как прошло?
Она печатает:
Нормально.
Смотрит на слово.
Потом добавляет:
Насколько это вообще может быть нормально.
Отправляет.
Миша уже идёт к своей машине.
Алина догоняет его.
* * *
Утром Миша пишет первым.
Сегодня скажу Вике.
Алина читает сообщение, сидя в машине перед офисом.
Двигатель уже заглушен, но выходить не хочется.
Она отвечает:
Ты уверен?
Почти сразу:
Нет.
Алина невольно улыбается.
Потом появляется ещё одно сообщение.
Но если адвокат Гены позвонит, я не хочу чтобы она узнала случайно.
Это разумно.
От этого не легче.
Хочешь я приеду?
Миша долго не отвечает.
Алина уже убирает телефон, когда экран снова загорается.
Нет. Сначала сам.
И следом:
Если что позвоню.
Она пишет:
Хорошо.
Смотрит на слово.

Убирает телефон в сумку и идёт на работу.
До обеда она почти не проверяет сообщения.
Почти.
Телефон лежит рядом с клавиатурой экраном вниз.
В одиннадцать двадцать Алина переворачивает его.
Ничего.
В двенадцать десять — снова.
Ничего.
В половине второго звонит Дима.
— Привет.
— Ты ела?
— Да.
— Врёшь.
Алина смотрит на контейнер с салатом, который так и не открыла.
— Почему сразу вру?
— Потому что я тебя знаю.
— Это уже начинает раздражать.
— Тогда поешь назло мне.
Она открывает крышку контейнера.
— Доволен?
— Безумно. Что там?
— Салат.
— Это не еда.
— Началось.
Дима смеётся.
— Как Миша?
Она перестаёт ковырять вилкой помидор.
— Сегодня скажет Вике.
На том конце становится тише.
— Сам решил?
— Да.
— Правильно.
Алина закатывает глаза.
— Ты теперь на всё отвечаешь «правильно»?
— Нет. На неправильное отвечаю «неправильно».
— Очень глубокий человек.
— Ты поэтому за меня вышла.
Она улыбается.
Потом Дима спрашивает:
— Боишься?
— За него.
— Я понял.
Она молчит.
— Алин?
— Что?
— Ничего.
— Не начинай.
— Я реально ничего.
— Ужасная семья.

— Ваша?
— Наша уже тоже.
— Поздно отказываться.
Она смотрит на телефон.
Новых сообщений нет.
— Ладно. Работай.
— Поешь.
— Да.
— Алина.
— Ем.
— Люблю.
— Я тебя тоже.
Он отключается.
Она съедает четыре вилки салата и отодвигает контейнер. Телефон по-прежнему молчит.
* * *
Миша звонит в семь сорок.
Алина уже дома.
Рита делает уроки за кухонным столом и вслух возмущается задачей про яблоки.
— Почему они всё время покупают по двадцать яблок? Кто ест столько яблок?
Дима стоит у плиты.
— Большая семья.
— Это ненормально.
— Решай.
— Пап, там двадцать четыре яблока.
— Тем более.
Телефон вибрирует на столе.
Алина видит имя брата.
Берёт трубку и сразу выходит в коридор.
— Да?
— Миш?
— Я сказал.
Она прислоняется к стене.
— Как она?
Миша долго не отвечает.
— Не знаю.
Голос у него такой, что Алина выпрямляется.
— Ты где?
— Дома.
— А Вика?
— Тоже.
— Соня?
— У мамы Вики.
Алина закрывает глаза.
Хорошо.
Хотя бы ребёнка нет.
— Что произошло?
— Можешь приехать?
— Да.
Ответ вылетает раньше, чем она успевает подумать.

— Сейчас?
— Если можешь.
— Могу.
— Ладно.
Он отключается.
Алина возвращается на кухню.
Дима смотрит на неё ещё до того, как она что-нибудь говорит.
— Едешь?
Она кивает.
— Вика узнала.
Рита поднимает голову от тетради.
— Что узнала?
Алина отвечает сразу:
— Про работу дяди Миши.
— А что там?
— Ничего. Взрослое.
— Почему тогда ты едешь?
— Потому что меня попросили.
Рита хмурится.
— Я тоже хочу.
— Нет.
— Почему?
Дима ставит перед дочерью тарелку.
— Потому что у тебя четыре яблока из двадцати четырёх ещё не посчитаны.
— Это тупая задача.
— Согласен. Решай.
Алина быстро переодевается.
У двери Дима задерживает её за руку.
— Позвони потом.
— Хорошо.
— И не лезь между ними.
Она смотрит на него.
— В смысле?
— В прямом.
— Миша сам меня позвал.
— Я знаю.
Дима поправляет ей ворот пальто.
— Но это их брак.
Алина чувствует, как внутри поднимается раздражение.
— Я понимаю.
— Хорошо.
— Ты сейчас опять?
Он целует её в лоб.
— Езжай.
* * *
Вика открывает не сразу.
За дверью сначала слышны шаги, потом щёлкает замок.
Она стоит босиком.
На ней домашние брюки и большая серая футболка Миши.

Лицо красное.

Не от злости.

Алина видит следы слёз.

— Привет.

Вика молча отходит.

Алина входит.

В квартире тихо.

Слишком тихо для дома, где обычно почти всегда включён телевизор или что-нибудь играет на кухне.

Миша сидит за столом.

Перед ним кружка.

По виду — давно пустая.

Он поднимает голову.

— Привет.

— Привет.

Вика идёт в комнату.

Алина снимает пальто и тихо спрашивает:

— Что мне делать?

Миша усмехается.

— Хороший вопрос.

— Ты зачем меня позвал?

Он проводит ладонью по лицу.

— Она спросила про тебя.

Алина замирает.

— Что именно?

Из комнаты доносится голос Вики:

— Пусть зайдёт.

Миша смотрит на сестру.

Алина идёт в комнату.

Вика стоит у окна.

Руки скрещены на груди.

На диване лежит сложенный Сонькин плед.

Алина останавливается возле двери.

— Вик.

— Ты знала?

Вопрос без приветствия.

Без подготовки.

— Да.

Вика кивает.

Как будто ответ уже знала.

— С самого начала?

Алина медлит.

— Я была там.

Вика оборачивается.

— Я не это спросила.

— Да. Знала.

Вика смотрит на неё.

— Пятнадцать лет?

— Да.

— И ни разу мне не сказала?
— Нет.
— Ни разу?
Алина чувствует, как начинает злиться.
Не на Вику.
Просто потому, что отвечать на одно и то же становится физически трудно.
— Ни разу.
Вика кивает.
Подходит к кровати, садится.
— Садись.
Алина садится на край кресла напротив.
Миша остаётся на кухне.
Вика замечает.
— Он специально не заходит.
— Наверное.
— Я попросила.
Алина кивает.
— Хорошо.
Вика усмехается.
— Почему вы все всё время говорите «хорошо»?
Алина почти смеётся.
Не получается.
— Не знаю.
— Он рассказал мне всё.
Алина смотрит на неё.
— Про Гену?
— Про Гену. Про аварию. Про вашего отца. Про то, что он пятнадцать лет собирался признаться и каждый раз находил причину не делать этого.
Вика вытирает щёку ладонью.
— Про тебя тоже рассказал.
— Что именно?
— Что ты была рядом.
Алина опускает взгляд.
Вика продолжает:
— Что ты всё знала.
— Да.
— Что поддерживала его.
— Да.
— И что ни разу не сказала ему: иди и признайся.
Алина поднимает глаза.
— Нет.
Вика чуть хмурится.
— Ни разу?
— Нет. Я говорила, что решать ему.
Вика коротко усмехается.
— А за Гену могли.
Фраза попадает точно.
Алина замолкает.
Вика выдыхает и закрывает лицо ладонями.

— Извини.
— Не надо.
— Я не хочу на тебя орать.
— Можешь.
— Не хочу.
Она опускает руки.
— Мне просто очень страшно.
Алина смотрит на неё.
— Чего?
Вика несколько секунд молчит.
— Что я не знаю человека, за которого вышла замуж.
— Ты знаешь Мишу.
— Правда?
— Да.
— Откуда ты знаешь?
Алина отвечает сразу:
— Потому что он мой брат.
— Вот именно.
Вика смотрит ей в глаза.
— Для тебя он всегда брат.
Алина чувствует, как напрягается.
— А для тебя?
— Муж.
— И?
— Муж, который столько лет смотрел мне в глаза и не говорил, что считает себя виновным в смерти человека.

С кухни не доносится ни звука. Квартира маленькая; Миша наверняка слышит всё, что говорит его жена. Вика тоже это понимает, но не снижает голоса:

— Он сделал мне предложение. Женился на мне. Мы решили родить ребёнка. Взяли ипотеку. Открыли кафе.

На последних словах Вика сбивается, резко выдыхает и продолжает быстрее:

— И всё это время он знал, что однажды может прийти человек и сказать: теперь твоя очередь отвечать.

— Он не знал, что Гена вернётся.
Вика смотрит на неё.
— Это что-то меняет?
Алина не находит ответа.
— Вот.
Вика вытирает нос тыльной стороной ладони.
— Я весь вечер думаю: если бы Гена не вернулся, Миша когда-нибудь рассказал бы мне?
Алина не отвечает.
— Ты знаешь?
— Нет.
— Я тоже.
Вика смотрит в сторону двери.
— И он не знает.
Алина встаёт, потому что больше не может сидеть под этим взглядом.
— Можно воды?
Вика кивает.

— Конечно.
Алина идёт на кухню.
Миша сидит там же.
Он поднимает глаза.
Алина открывает шкаф.
— Где стаканы?
Миша смотрит на неё так, будто она спросила что-то совершенно безумное.
— Там же, где всегда.
— Я не живу у тебя.
Он встаёт, открывает соседнюю дверцу.
— Тут.
Алина достаёт два стакана.
Наливает воду.
Миша тихо спрашивает:
— Очень плохо?
Она смотрит на него.
— А ты как думаешь?
— Понятно.
— Не начинай.
Он сжимает губы.
— Она меня выгонит?
Алина останавливается.
— Не знаю.
Миша смотрит в сторону комнаты.
— Соню попросила забрать её мать.
— Это нормально.
— Я знаю.
— Ей надо время.
— Знаю.
Алина берёт стаканы.
Перед тем как уйти, говорит:
— Не подслушивай.
Миша невесело усмехается.
— У меня квартира маленькая.
— Тогда хотя бы не стой под дверью.
— Я сижу на кухне.
— Вот и сиди.
— Спасибо.
Она возвращается к Вике.
Та берёт воду.
— Он спрашивал, выгоню ли я его?
Алина останавливается.
— Ты слышала?
— Квартира маленькая.
Алина садится обратно.
Вика делает глоток.
— Я не хочу его выгонять.
— Тогда не выгоняй.
— Всё так просто?

— Нет.

— Вот именно.

Она ставит стакан на тумбочку.

— Я его люблю.

— Знаю, — говорит Алина.

— И это бесит больше всего.

— Почему?

Вика смотрит на неё.

— Потому что было бы проще узнать такое про человека, которого можно просто послать нахуй.

Алина не удерживается.

— Да.

Вика впервые за вечер улыбается.

Совсем немного.

Потом снова становится серьёзной.

— Ты его оправдываешь?

— Мишу?

— Да.

Алина думает.

— Нет.

Ответ удивляет даже её саму.

Вика чуть приподнимает брови.

— Совсем?

— Я понимаю, почему он тогда согласился.

— Ему было восемнадцать.

— Да.

— Гене семнадцать.

— Знаю.

Вика кивает.

— Он тоже это сказал.

— Что именно?

— Что ему было восемнадцать, но Гене было семнадцать.

Она ненадолго замолкает.

— Я даже не могу нормально на него злиться. Он вообще себя не защищает.

Алина почти улыбается.

— Да. Очень неудобно.

— Не смешно.

— Я знаю.

Но Вика опять едва заметно улыбается.

Только на секунду.

— А тебя? — спрашивает она.

— Что меня?

— Тебя кто-нибудь защищает?

Алина не понимает.

— От чего?

— Ты же тоже пятнадцать лет с этим живёшь.

Алина чувствует знакомое раздражение.

— Мне не нужна защита.

— Конечно.

— Вик.
— Что?
— Я серьёзно.
— Я тоже.
Она внимательно смотрит на Алину.
— Тебе было пятнадцать.
Алина опускает глаза.
Опять.
Пятнадцать.
Как будто эта цифра умеет сама по себе что-то прощать.
— А потом шестнадцать, — говорит она.
Вика молчит.
— Семнадцать. Восемнадцать. Двадцать.
— Я понимаю.
— Нет.
Алина поднимает на неё глаза.
— Все почему-то застревают на пятнадцати.
Вика долго не отвечает.
— Потому что всё началось тогда.
— Но не закончилось.
Вика ничего не отвечает.
Из кухни доносится звук открывающегося холодильника.
Алина берёт стакан.
Вода тёплая.
— Я могла сказать тебе раньше.
— Могла.
— И маме.
— Могла.
— И кому угодно.
Вика крутит стакан по тумбочке, оставляя влажный круг.
— Почему не сказала?
Алина уже отвечала на этот вопрос Диме.
Но сейчас ответ звучит иначе.
— Сначала боялась за Мишу.
— А потом?
Она смотрит на Вику.
— Потом у всех появилась жизнь.
— У Гены тоже была.
— Я знаю.
Вика качает головой.
— Нет. Я не про это.
Алина ждёт.
— Мне кажется, ты всё время думаешь, что, если сказать правду, ты разрушишь то, что есть сейчас.
Алина сжимает стакан.
— А разве нет?
Вика смотрит на неё.
— А если то, что есть сейчас, построено на том, что кто-то другой заплатил за него?
Алина молчит.

Вика опускает взгляд.
— Извини.
— За что?
— Я не знаю, почему я сейчас это тебе говорю.
— Потому что Миша твой муж, а я его сестра.
— Наверное.
Несколько секунд они сидят молча.
Потом Вика говорит:
— Ты его не спасла.
Алина поднимает глаза.
— Что?
— Вы с Сергеем.
Вика поправляет волосы.
— Я понимаю, что вы хотели его спасти.
Алина ничего не говорит.
— Но вы не спасли.
— Вик…
— Вы просто позволили ему не отвечать.
Алина застывает.
Вика смотрит на неё.
— И он сам это позволил.
— Да.
— Вот.
Она закрывает глаза.
— Господи, я не знаю, зачем я вообще пытаюсь разложить это по полочкам.
Алина замечает обручальное кольцо у неё на пальце. Оно всё ещё на месте.
— Что ты будешь делать?
— Сегодня?
— Вообще.
Вика открывает глаза.
— Не знаю.
— Ты хочешь уйти?
— Нет.
Ответ приходит сразу.
Алина чувствует облегчение.
Вика замечает.
— Только не радуйся.
— Я не…
— Радуешься.
Алина замолкает.
— Я не хочу уходить, — повторяет Вика. — Но я и сделать вид, что после одного разговора всё опять нормально, не могу.
— Никто не просит.
— Миша не просит.
— Тем более.
Вика тихо смеётся.
— Знаешь, что он сказал?
— Что?
— «Если хочешь, я уйду».

— Конечно.
— Я спросила, куда.
— И?
— Он сказал: «Не знаю».
Алина качает головой.
— Идиот.
— Да.
Вика улыбается сквозь слёзы.
— Я ему то же сказала.
Из кухни:
— Я всё слышу.
Вика резко поворачивается к двери.
— Тогда перестань!
— Я пытаюсь!
— Плохо пытаешься!
— Квартира маленькая!
Алина закрывает рот ладонью. Вика видит это, пытается сохранить серьёзное лицо, не выдерживает и начинает смеяться. Смех неожиданно обрывается плачем.
Алина пересаживается к ней на кровать.
Обнимает.
Вика утыкается ей в плечо.
— Сука, — говорит сквозь слёзы. — Я его ненавижу.
— Знаю.
— И люблю.
— Тоже знаю.
— Откуда ты всё знаешь?
— Я тебя давно знаю.
Вика смеётся ещё раз.
Через минуту вытирает лицо.
— Всё. Хватит.
— Уверена?
— Нет.
Она встаёт.
— Пойдём.
— Куда?
— На кухню. Я устала разговаривать через стену.
Миша сидит там же.
Когда они входят, он сразу встаёт.
Вика смотрит на него.
— Сядь.
Он садится.
Алина остаётся у двери.
— Мне уйти?
Вика думает.
— Нет.
Миша смотрит на жену.
— Вик…
— Подожди.
Он замолкает.

Она садится напротив.

— Я не ухожу.

Миша словно не сразу понимает услышанное. Потом у него опускаются плечи — он впервые за весь вечер позволяет себе выдохнуть.

— Хорошо.

Вика прищуривается.

— Ещё раз скажешь «хорошо» — уйду.

Он почти улыбается.

— Понял.

— Это не значит, что всё нормально.

— Понял.

— И не значит, что я тебя простила.

— Я знаю.

— И сегодня ты спишь на диване.

Миша кивает.

— Хорошо.

Вика смотрит на него.

Алина закрывает глаза.

Миша тут же исправляется:

— Понял.

— Вот.

Он проводит ладонью по столу.

— А Соня?

Вика становится серьёзной.

— Пока ничего ей не говорим.

— Согласен.

— Вообще ничего.

— Да.

— Если начнётся пересмотр и это станет публичным, тогда будем решать.

Миша кивает.

— Хорошо.

Вика медленно поднимает брови.

Он закрывает рот рукой.

Алина не выдерживает и смеётся.

Вика тоже.

Даже Миша улыбается.

На несколько секунд кухня снова становится обычной: Миша улыбается жене, Вика машинально тянется поправить сдвинувшуюся салфетку, Алина ловит себя на желании задержать эту минуту.

Потом Вика спрашивает:

— Твоя мама ничего не знает?

Улыбка исчезает.

Миша смотрит на Алину.

— Нет.

— Сергей собирается ей сказать?

Никто не отвечает.

Вика качает головой.

— Господи.

Миша встаёт.

— Я поговорю с папой завтра.
— Не с папой.
Вика смотрит на него.
— С мамой.
Он останавливается.
— Вик…
— Нет. Хватит.
Голос у неё спокойный.
— Пятнадцать лет ваш отец решал, кому что можно знать.
Миша молчит.
— Теперь сам решай.
Алина чувствует, как внутри всё сжимается.
Миша смотрит на неё.
Не спрашивает.
Она всё равно отвечает:
— Вика права.
Он медленно кивает.
— Ладно.
Алина берёт пальто.
— Я поеду.
Миша провожает её в прихожую.
Вика остаётся на кухне.
Алина надевает пальто.
Брат тихо спрашивает:
— Она правда не уйдёт?
Алина застёгивает молнию.
— Миш.
— Что?
— Она только что сама тебе это сказала.
— Я знаю.
— Тогда зачем спрашиваешь меня?
Он косится в сторону кухни.
— Не знаю.

Алина машинально поправляет Мише ворот футболки. Как будто ему опять восемнадцать. Она замечает собственный жест и убирает руку.

— Не испорть.
— Постараюсь.
— Нет.
Он смотрит на неё.
— Что?
— Не «постараюсь».
Алина открывает дверь.
— Не испорть.
Миша кивает.
— Не испорчу.
Она выходит.
Уже в лифте телефон вибрирует.
Дима.
Жива?

Алина отвечает:
Да.
Потом добавляет:
Вика осталась.
Ответ приходит почти сразу.
Хорошо.
Алина смотрит на сообщение.
И впервые за вечер смеётся.

Глава 6

На следующий день около четырёх звонит Миша.

— Сегодня.

Алина отодвигает клавиатуру, чтобы не задеть её локтем.

— Что сегодня?

— Скажу маме.

За окном офиса серое небо. Алина следит за человеком, который торопливо пересекает парковку, и почти не слышит дальнейших офисных разговоров.

— Ты с папой говорил?

— Да.

— И?

— Сказал не торопиться.

Алина закрывает глаза.

— Конечно.

— Я сказал, что вечером приеду.

— Он знает, что я тоже буду?

— Нет.

— Миш.

— Что?

— Почему я тоже буду?

На том конце короткая пауза.

— Потому что ты там была.

Она сжимает губы.

— Это твой разговор с мамой.

— Уже не только мой.

— Вика тебя отправила?

— Она сказала, что маме пора знать.

— А ты?

— Я с ней согласен.

Алина не отвечает.

— Алин, пожалуйста.

Алина вертит пустой стакан рядом с монитором.

— Во сколько?

— В семь.

— Хорошо.

— Спасибо.

Он отключается.

Алина ещё некоторое время держит телефон у уха.

Потом кладёт на стол.

Коллега напротив спрашивает:

— Всё нормально?

— Да.

Ответ привычный.

Даже думать не надо.

* * *

К семи она приезжает первой.

Машина Миши появляется через несколько минут.

Миша паркуется рядом и выходит в одной толстовке. Алина сразу замечает, как он прячет руки в карманы: на улице холодно.

— Ты совсем идиот?

— Почему?

— Куртка где?

Миша опускает взгляд на себя.

— В машине.

— Надень.

— Мне не холодно.

— Надень.

Он молча открывает заднюю дверь и достаёт куртку.

— Спасибо, мам.

— Не беси меня.

— Стараюсь.

— Плохо.

Он надевает куртку.

Несколько секунд они стоят между машинами. Миша всё никак не решается направиться к подъезду.

— Вика как? — спрашивает Алина.

— Утром почти нормально.

— «Почти»?

— Сказала мне купить хлеб.

— Значит, брак спасён.

Миша улыбается.

— Потом сказала, что это ничего не значит.

— А.

— Потом спросила, во сколько вернусь.

— Сложно.

— Очень.

Он закрывает машину.

— Пойдём?

Алина кивает.

* * *

Мама открывает дверь.

— О, оба.

Она улыбается.

— А я как раз думала Мише звонить.

— Зачем? — спрашивает он.

— Соня у нас кофту оставила.

— Заберу.

Ирина отходит, пропуская их.

— Вы есть будете?

Алина снимает пальто.

— Мам…

— Что?

— Мы не есть приехали.

Мама смотрит сначала на неё, потом на Мишу.

Улыбка исчезает.

— Что случилось?

Из комнаты выходит отец.

Он уже переоделся в домашнее. На лице усталость, но сегодня он держится ровно.

Сергей останавливается в дверях комнаты. Он, похоже, ждал Мишу, но при виде Алины едва заметно хмурится.

— Пришли.

Ирина поворачивается к нему.

— Ты знал?

— Да.

Она хмурится.

— Что происходит?

Миша проходит в комнату.

— Мам, сядь.

— Господи.

Ирина остаётся стоять.

— Только не говорите мне опять «сядь».

— Мам.

— Я не сяду, пока вы не скажете, что случилось.

Миша смотрит на отца.

Тот молчит.

Алине хочется, чтобы отец хотя бы сейчас помог брату начать разговор. Но Сергей молчит, и Миша опять остаётся с решением один.

Миша первым отводит взгляд.

— Это про меня.

Ирина смотрит на сына.

— Ты болен?

— Нет.

— Вика?

— Нет.

— Соня?

— Мам, все здоровы.

Она прижимает ладонь к груди.

— Господи, Миша.

— Сядь, пожалуйста.

На этот раз Ирина садится.

На край дивана.

Алина занимает кресло у окна.

Отец остаётся стоять рядом с книжным шкафом.

Миша садится напротив матери.

Руки кладёт на колени.

— Помнишь Гену?

Ирина удивляется.

— Какого Гену?

— С которым я дружил в школе.

Мама морщит лоб.

— Худой такой? С длинными волосами?

— Да.

— Что с ним?

— Он недавно связался с папой.

Ирина переводит взгляд на мужа.

— Зачем?

Сергей не отвечает.

Миша продолжает:

— Пятнадцать лет назад Гена попал в колонию.

— Я помню что-то такое.

— За аварию.

Мама кивает неуверенно.

— Там человек погиб?

— Да.

Алина смотрит на её руки.

Мама сцепила пальцы.

Миша говорит:

— Гена не был за рулём.

Ирина смотрит на сына.

Не понимает.

— А кто был?

Миша делает вдох.

— Я.

Несколько секунд Ирина просто сидит, словно не расслышала. Потом медленно поворачивается к Сергею.

— Что?

Отец не двигается.

Миша повторяет:

— За рулём был я.

Ирина снова смотрит на него.

— Нет.

— Мам.

— Нет.

Голос у неё тихий.

— Миша, нет.

Он ничего не говорит.

Мама встаёт.

— Что значит «за рулём был ты»?

— То и значит.

— Ты был там?

— Да.

— Алина?

Она резко поворачивается к дочери.

Алина встречает её взгляд.

— Я тоже.

— Вы были вместе?

— Да.

Ирина смотрит то на одного, то на другую.

— И Гена?

Миша отвечает:

— Он был с нами раньше. Потом ушёл.

Ирина опускается обратно на диван так резко, будто у неё подкосились ноги.

— Я ничего не понимаю.

Миша наклоняется вперёд.

— Я сбил человека.
Алина опускает взгляд.
Миша даже не пытается объяснить или смягчить сказанное.
Мама закрывает рот ладонью.
— Он умер?
— Ночью. В больнице.
— Господи.
Она смотрит на сына.
— Ты пил?
— Да.
Ирина закрывает глаза.
— Господи, Миша.
— Я знаю.
— Нет, не знаешь.
Он замолкает.
Мама вдруг поворачивается к мужу.
— А ты где был?
Сергей отвечает:
— Приехал потом.
— Почему?
Тишина.
Алина знает, что сейчас будет.
Миша произносит:
— Алина позвонила папе.
Ирина переводит взгляд на дочь.
— Ты?
Алина кивает.
— Да. Я была трезвая.
Ирина смотрит на неё так, будто видит впервые.
— Ты позвонила отцу?
— Да.
— А мне?
Алина молчит.
— Мне ты не позвонила?
— Нет.
Мама переводит взгляд на Сергея.
— И что было дальше?
Никто не торопится отвечать.
Ирина встаёт.
— Да что с вами такое?
Голос срывается впервые.
— Я задала вопрос.
Сергей говорит:
— Я сделал так, чтобы Мишу не обвинили.
— Как?
Отец не отвечает.
Миша отвечает вместо него:
— Сказали, что за рулём был Гена.
Мама застывает.

— Кто сказал?
— Мы.
— Кто «мы»?
Миша сглатывает.
— Папа. Я. Алина.
Ирина смотрит на Алину.
Алина не отводит глаз.
— Да.
Мама садится обратно.
Теперь медленно.
— Значит, этот мальчик…
— Был осуждён, — говорит Миша.
— За тебя?
— Да.
Ирина закрывает лицо ладонями.
В комнате становится тихо.
Отец делает шаг к ней.
— Ира.
Она сразу убирает руки.
— Не трогай меня.
Он останавливается.
Миша опускает голову.
Ирина плачет без звука. Алина видит, как у неё дрожат плечи, и впервые за вечер хочет выйти из комнаты.
Через некоторое время Ирина спрашивает:
— Сколько ему было?
Миша отвечает:
— Семнадцать.
Мама резко смотрит на него.
— А тебе?
— Восемнадцать.
Она закрывает глаза.
— Господи.
Миша говорит:
— Мам…
— Подожди.
Он замолкает.
Ирина вытирает лицо.
— Я пытаюсь понять.
— Я знаю.
— Не говори, что знаешь.
Миша кивает.
— Ты все эти годы знал?
— Да.
— Что он сидит вместо тебя?
— Да.
— Все пятнадцать лет?
— Да.
Она встаёт.

Проходит к окну.
Возвращается.
— Ты женился.
Миша опускает глаза.
— У тебя родилась Соня.
— Да.
— Ты открыл кафе.
— Да.
— И ни разу мне не сказал?
Он опускает глаза.
— Нет.
— Почему?
Миша отвечает не сразу.
— Сначала боялся.
— Чего?
— Что сяду.
Мама коротко кивает.
— А потом?
— Потом стало страшно потерять всё остальное.
— А я?
Он поднимает глаза.
— Что ты?
— Меня ты тоже боялся потерять?
— Да.
Ответ выходит сразу.
У мамы снова дрожит лицо.
Она подходит к Мише. Алина невольно напрягается: сейчас мать, кажется, ударит его.
Но Ирина берёт сына за лицо обеими руками.
Миша застывает.
— Господи, какой же ты дурак.
Он закрывает глаза.
Мама прижимает его к себе.
Миша обнимает её за талию.
— Прости.
Ирина плачет ему в волосы.
— Я злюсь на тебя.
— Я знаю.
— Очень.
— Знаю.
— Не перебивай.
— Прости.
Она отстраняется.
— Но ты мой сын.
Миша пытается что-то сказать:
— Мам…
— Не думай, что это всё исправляет.
— Не думаю.
— И не думай, что я тебя простила за пять минут.
— Не думаю.

Ирина проводит ладонью по его щеке.
— Но ты мой сын.
На этот раз он ничего не отвечает.
Мама целует его в лоб.
Как ребёнка.
Алина смотрит.
Отец тоже.
Ирина поворачивается к нему.
Лицо меняется.
Не резко.
Просто исчезает то, что только что было в нём для Миши.
— А ты знал.
Сергей кивает.
— Да.
— Все пятнадцать лет.
— Да.
— И жил со мной.
Он молчит.
— Спал со мной.
— Ира…
— Ел со мной. Растил со мной детей. Женил сына. Нянчил Соню.
Сергей делает шаг к жене, но Ирина не поворачивается.
— Я не хотел втягивать тебя.
Ирина смотрит на него.
— Втягивать?
— Да.
Она смеётся.
Один раз.
Очень тихо.
— Серёжа, это наш сын.
— Я знаю.
— Наша дочь.
— Знаю.
— Наша семья.
Он кивает.
— Я знаю.
— Тогда куда ты боялся меня «втянуть»?
Сергей молчит.
Ирина вытирает щёки.
— Ты решил, что я не выдержу?
— Нет.
— Что тогда?
— Что тебе не нужно это нести.
— А тебе, значит, нужно было?
— Кто-то должен был.
— Кто решил?
Он не отвечает.
Ирина кивает.
— Ты.

— Да.
— Конечно.
Миша встаёт.
— Мам…
— Не надо.
Она не смотрит на него.
— С тобой мы ещё поговорим.
Миша садится обратно.
Потом снова отцу:
— А со мной ты почему не поговорил тогда?
Сергей опускает взгляд.
— Потому что решение уже было принято.
— Кем?
— Мной.
— Вот именно.
Ирина садится. Сергей опускается в кресло возле книжного шкафа.
Алина хочет подойти.
Не подходит.
Мама вдруг смотрит на неё.
— А ты?
Вопрос звучит тише.
Алина незаметно сжимает руки в кулаки.
— Что я?
— Ты тоже знала все эти годы.
— Да.
— И тоже решила, что мне лучше не знать?
Алина отвечает не сразу.
— Сначала папа сказал молчать.
Ирина смотрит на неё.
— А потом?
Тот же вопрос.
Опять.
— Потом я сама молчала.
Мама кивает.
Без упрёка.
Это хуже.
— Понятно.
— Мам.
— Я не злюсь на тебя сейчас.
Алина не знает, радует это или нет.
— Почему?
Ирина смотрит на дочь.
— Я вдруг вспомнила, что тебе было всего пятнадцать.
— Мам, не надо.
— Что?
— Не надо оправдывать меня возрастом.
— Я не оправдываю.
— Все пытаются.
Алина чувствует, что говорит быстрее.

— Мне было пятнадцать. Потом я выросла. И всё равно молчала.
Ирина смотрит на неё.
— Ты была ребёнком тогда.
— А потом?
Алина опускает глаза.
Ирина долго ничего не говорит.
Потом тихо отвечает:
— А потом ты была моей дочерью.
Алина поднимает голову.
— Это не оправдание.
— Я не сказала, что оправдание.
Мама смотрит на неё.
— Я сказала, что ты моя дочь.
Алина ничего не отвечает.
Ирина поворачивается к Мише.
— И ты мой сын.
Потом к Сергею.
— А ты мой муж.
Отец выдерживает её взгляд.
— Да.
— И поэтому с тобой тяжелее всего.
Сергей едва заметно кивает.
Миша тихо говорит:
— Это не только папина вина.
Мама резко поворачивается.
— Я знаю.
— Я согласился.
— Я знаю.
— Я мог потом рассказать.
— Миша.
— Что?
— Я знаю.
Она снова смотрит на мужа.
— Но ты был взрослым.
Сергей ничего не говорит.
— Не восемнадцать.
Он кивает.
— Да.
— Не пятнадцать.
— Да.
— Ты был их отцом.
— Да.
Ирина вытирает лицо ладонями.
— Ты должен был испугаться сильнее них и всё равно поступить правильно.
Отец смотрит на неё.
— Я испугался сильнее них.
Она замирает.
Сергей говорит спокойно:
— Именно поэтому и сделал то, что сделал.

Ирина качает головой.

— Нет.

— Да.

— Серёжа…

— Я спас своего ребёнка.

Мама смотрит только на него.

— Ты тогда хотя бы понимал, что кому из них вообще грозило по закону?

— Нет.

Ирина замирает.

— Что значит «нет»?

— То и значит. Я не юрист. В ту ночь я не считал статьи и возраст. Я видел своих детей, скорую и человека на дороге. Я хотел одного — вытащить своих из этого и не дать всему остальному перемолоть их следом.

— А потом?

Сергей молчит секунду.

— Потом уже были показания. Полиция. Гена. И каждый следующий день делал признание хуже предыдущего.

— У тебя было пятнадцать лет разобраться.

— Было.

— И ты разобрался?

— Да.

— И всё равно молчал.

— Да.

Ирина смотрит на него.

— А тот мальчик?

Сергей молчит.

— Гена?

— Я знаю.

— Он тоже был чьим-то ребёнком.

Отец закрывает глаза на секунду.

— Да.

Ирина ждёт.

— И?

Сергей открывает глаза.

— Я всё равно выбрал своего.

Миша резко встаёт.

— Пап.

— Что?

— Не надо так.

Отец смотрит на сына.

— Почему?

— Потому что это звучит так, будто ты не жалеешь.

Сергей долго молчит.

Потом говорит:

— Жалею.

— Но?

— Но если ты спрашиваешь, сделал бы я тогда иначе…

Он не заканчивает.

Мама спрашивает:

— Сделал бы?

Сергей смотрит на неё.

— Нет.

Ирина отворачивается.

Миша проводит ладонью по затылку.

— Господи.

Миша ждёт ещё несколько секунд, потом опускается обратно на диван. Алина остаётся в кресле. Сергей ничего не добавляет.

* * *

После этого они долго почти не разговаривают. Около девяти Ирина не выгоняет детей, а тихо просит:

— Мне надо побыть одной.

Миша сразу встаёт.

— Мам, если…

— Завтра.

Он кивает.

— Хорошо.

Она подходит и обнимает его.

Крепко.

— Домой езжай.

— Позвонишь?

— Позвоню.

Мама отпускает сына.

Потом подходит к Алине.

Обнимает её тоже.

Алина сначала не двигается.

Потом обнимает в ответ.

— Мам…

— Завтра.

— Хорошо.

Ирина целует её в щёку.

Потом вдруг вспоминает про Сонькину кофту. Приносит из комнаты и отдаёт Мише.

— Чуть не забыла.

Он берёт кофту.

— Спасибо, мам.

На отца Ирина даже не смотрит.

Сергей остаётся сидеть в кресле.

Миша задерживается у двери.

— Пап?

Отец поднимает голову.

— Всё нормально.

Ирина резко поворачивается.

— Не говори так.

В комнате становится тихо.

Сергей смотрит на жену.

— Хорошо.

— И это тоже не говори.

Миша опускает голову.

Алина кусает губу.

Мама замечает.

— Очень смешно?

— Нет.

— Алина.

— Немного.

Ирина вдруг улыбается, хотя глаза у неё опухли от слёз.

— Идите уже.

Они выходят.

* * *

На лестничной площадке Миша задерживается у двери. Лифт не вызывает, пока Алина не подходит к кнопке.

— Она его простит?

Алина нажимает кнопку.

— Не знаю.

— Меня простит.

Это не вопрос.

— Да.

Миша опускает взгляд.

— Нечестно.

— Что?

— Что меня простит быстрее.

Двери лифта открываются.

Они заходят.

Миша нажимает первый этаж.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Потому что я сын.

Алина смотрит на цифры над дверью.

— Может быть.

— А он муж.

— Да.

— Это хуже?

Алина вспоминает мамин взгляд.

— По-другому.

Лифт едет вниз.

Миша прислоняется затылком к стене.

— «Я спас своего ребёнка».

Алина не двигается.

— Что?

— Папа.

Он смотрит на неё.

— Он правда так думает.

Алина отвечает:

— Да.

Двери открываются.

Миша выходит первым.

Алина остаётся внутри на долю секунды дольше.

Потом идёт за ним.

Глава 7

Мама пишет в восемь утра.

Доехали вчера?

Алина читает сообщение за завтраком. Напротив Рита медленно размазывает творожный сыр по хлебу так, будто занимается реставрацией картины. Дима пьёт кофе.

Алина отвечает:

Да. Как ты?

Три точки появляются, исчезают и возникают снова. Мама наверняка набирает что-то подлиннее.

Нормально.

Алина усмехается в чашку. После вчерашнего разговора это слово звучит особенно убедительно.

Папа?

На этот раз мама отвечает не сразу.

Тоже дома.

И всё.

— Что? — спрашивает Дима.

— Мама.

— Как она?

— Пишет, что нормально.

Он кивает.

— Значит, не нормально.

— Именно.

Рита поднимает голову.

— Бабушка заболела?

— Нет.

— Тогда почему не нормально?

Алина откладывает телефон.

— Поссорились с дедушкой.

— Из-за чего?

— Из-за взрослых проблем.

Рита морщит нос.

— У вас всё взрослое.

— Привыкай.

— Не хочу.

Дима подвигает к ней кружку с чаем.

— Хорошая позиция. Я тоже не хотел.

— И что?

— Не помогло.

Рита вздыхает. Алина убирает телефон подальше от Ритиной тарелки.

— Она его не выгнала.

— Уже неплохо.

— Миша спросил то же самое.

— Что?

— Простит ли она папу.

Дима отпивает кофе.

— А ты что сказала?

— Что не знаю.

— Правильно.

Алина прищуривается, и Дима тут же перехватывает её взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Опять?

— Вы все заражены.

Рита переводит взгляд с одного на другого.

— Вы странные.

— Ешь бутерброд, — говорит Дима.

— Вот. Опять взрослое.

* * *

В одиннадцать сорок звонит незнакомый номер. Алина сбрасывать не решается, но трубку тоже не берёт. Звонок обрывается; через минуту приходит сообщение.

Алина Сергеевна, добрый день. Меня зовут Антон Крылов. Я представляю интересы Геннадия. Он дал ваш номер. Хотел бы поговорить, когда вам будет удобно.

Она перечитывает сообщение, хотя поняла всё с первого раза. Когда номер снова появляется на экране, она берёт телефон. Алина встаёт из-за стола и выходит в коридор.

— Алло.

— Алина Сергеевна?

— Да.

— Антон Крылов. Я написал вам только что.

Голос спокойный, ничем не примечательный. Алина сама не знает, почему ожидала услышать что-то другое.

— Я видела.

— Вам сейчас удобно пару минут?

Алина оглядывается на стеклянную дверь офиса.

— Да.

— Я сразу скажу: это пока просто разговор. Никаких официальных показаний по телефону я у вас не беру.

— Хорошо.

— Геннадий рассказал, что вы были на месте аварии.

— Да.

— Я хотел бы встретиться лично. С вами отдельно, если вы не против.

— Зачем отдельно?

Небольшая пауза.

— Потому что мне важно услышать каждого человека отдельно, без остальных.

Слово «каждого» почему-то цепляет сильнее, чем должно.

— Понятно.

— Геннадий сказал, что ваш брат тоже готов разговаривать.

— Готов.

— С ним я уже связался.

Алина смотрит в окно в конце коридора. За стеклом мужчина пытается раскрыть зонт на ветру. Тот выворачивается, и мужчина сердито одёргивает спицы. Алина следит, как он наконец справляется с зонтом.

— Когда вы хотите встретиться?

— Я могу в четверг после шести или в пятницу.

— В четверг.

— В половине седьмого удобно?

— Да.

Она уже собирается закончить разговор, но Антон говорит:

— И ещё один вопрос. Просто чтобы я понимал, правильно ли передал Геннадий.

— Какой?

— Вы можете подтвердить, что он ушёл до аварии?

— Да.

Ответ простой.

Потому что это правда.

— Хорошо. Остальное тогда обсудим лично.

— Хорошо.

— Я пришлю адрес.

— Спасибо.

После прощания Алина ещё пару секунд держит телефон у уха. На экране — четыре минуты двенадцать секунд. Не успела даже испугаться как следует. Она сохраняет номер.

Антон Крылов

Возвращается в кабинет.

— Всё нормально? — спрашивает коллега.

Алина садится.

— Да.

На этот раз ответ тоже приходит легко. Через десять минут пишет Миша.

Тебе адвокат звонил?

Она отвечает:

Да. В четверг встреча.

Миша:

Мне тоже. У меня в среду.

Алина смотрит на сообщение.

Что сказал?

Ответ приходит не сразу.

Пока ничего. Спросил готов ли я подтвердить что был за рулём.

Она чувствует, как напрягается челюсть.

И?

А что и? Сказал да.

Следом:

А ты?

Алина печатает:

Спросил только про Гену.

Миша отвечает:

Понял.

И через несколько секунд:

Спасибо что согласилась.

Она гасит экран, снова включает и видит всё то же «Спасибо что согласилась». Ответить нечего.

* * *

Днём звонит отец. Алина видит имя и не хочет брать.

Берёт.

— Да?

— Ты на работе?

— Да.

— Удобно?
— Уже говорю.
Сергей молчит.
Потом:
— Миша сказал, что с ним связался адвокат Гены.
— Со мной тоже.
— Уже?
— Уже.
— Что хотел?
— Встретиться.
— Ты согласилась?
— Да.
Отец выдыхает.
— Алин, не спеши.
Раздражение поднимается мгновенно.
— С чем?
— С разговорами.
— Пап, Гена уже нашёл адвоката. Миша ему всё подтвердит. Я тоже обещала.
— Обещание можно…
— Нет.
Сергей замолкает. Алина смотрит на закрытую дверь кабинета.
— Нет, пап.
— Я просто говорю, что не надо принимать решения на эмоциях.
Она почти смеётся.
— Серьёзно?
— Да.
— От тебя это особенно смешно.
— Я понимаю, на что ты намекаешь.
— Я ни на что не намекаю.
Алина понижает голос.
— Ты уже один раз решил, кому что говорить, кого спасать и кто что выдержит.
На том конце тихо.
— Хватит.
Сергей отвечает не сразу.
— Я тогда сделал то, что считал нужным.
— Я знаю.
— И сейчас пытаюсь…
— Не надо сейчас ничего пытаться.
— Алина.
— Что?
— Я твой отец.
— Я знаю.
— И мне не всё равно, что будет дальше.

Голос у отца усталый, без привычной жёсткости. На него даже злиться становится неудобно — и от этого только хуже.

— Мне тоже.
— Тогда просто подумай.
— Я пятнадцать лет думаю.
Сергей молчит.

Она продолжает:

— В четверг я встречусь с адвокатом.

— Хорошо.

— Не говори маме, что я сказала тебе не лезть.

— Почему?

— Потому что она обрадуется.

Отец неожиданно усмехается.

Совсем тихо.

— Возможно.

Алина прислоняется затылком к стене.

— Как она?

— Не разговаривает со мной без необходимости.

— Но ты дома.

— Пока.

— Она приготовила тебе завтрак?

— Алина.

— Что?

— Да.

— Значит, всё не совсем плохо.

— Утешила.

— Стараюсь.

Отец вздыхает.

— Она вчера спала в спальне.

— А ты?

— На диване.

— Заслужил.

— Я знаю.

Алина перестаёт улыбаться. Слышать от него «я знаю» непривычно.

— Пап.

— Что?

Алина уже набирает воздух, чтобы спросить, чего он на самом деле боится, но вовремя прикусывает язык.

— Ничего.

— Вот это точно семейное.

Она усмехается.

— Иди лечись.

— В четверг повторное обследование.

Алина выпрямляется.

— Я помню.

— Не похоже.

— Пап, я помню.

— Хорошо.

— Пока.

— Пока.

Она отключается. Ещё минуту стоит в коридоре. Потом возвращается к работе.

Вечером Дима готовит макароны. Рита сидит на полу в гостиной и строит что-то из конструктора. Алина рассказывает про звонок адвоката.

Дима помешивает соус.

— Когда встреча?

— В четверг.
— Одна?
— Да.
Он кивает.
— Хорошо.
— Ты специально?
— Уже немного.
Она толкает его бедром.
— Придурок.
— Ты первая начала.
— Я вообще ничего не начинала.
— Это семейное.
— Ты общался с Мишей?
— Нет.
— Тогда откуда?
— Я обучаемый.
Она закатывает глаза. Дима выключает плиту.
— Он что спрашивал?
— Кто?
— Адвокат.
Алина подцепляет вилкой макароны прямо из кастрюли и обжигает язык.
— Горячо.
— Я про адвоката.
— Я поняла.
Она ставит вилку.
— Спросил, была ли я там. Ушёл ли Гена до аварии.
— И всё?
— Остальное сказал обсудить лично.
Дима становится серьёзнее.
— Значит, началось.
Алина опирается ладонями на край столешницы, пока Дима раскладывает горячие макароны.
— Похоже.
— Страшно?
— Да.
— Из-за Миши?
Алина думает.
— Из-за всех.
Дима достаёт тарелки.
— Ты ведь расскажешь ему всё как было?
Она не сразу понимает, о ком он.
— Адвокату?
— Да.
— Да.
Ответ звучит спокойно. Дима ставит перед ней тарелку.
— Тогда чего бояться?
Алина смеётся без улыбки.
— Ты серьёзно?
— Нет. Бояться есть чего.

Он садится рядом.
— Но назад уже всё равно не получится.
— Вот именно.
Дима берёт вилку.
— Может, это и хорошо.
Она поворачивается к нему.
— Хорошо?
— Не сама история.
— А что?
— Что она наконец перестанет быть вашей семейной тайной.
Алина ничего не говорит.
Дима продолжает:
— Потому что пока это только между вами, вы всё время можете договориться ещё раз.
— О чём?
— О том, что пока не время.
Она смотрит на него.
— Ты думаешь, мы такие?
— Думаю, вы пятнадцать лет именно так и делали.
Алина опускает глаза.
— Мягко.
— Ты просила меня врать?
— Нет.
— Вот.
Он накручивает макароны на вилку.
— Ты можешь любить Мишу и всё равно не врать за него.
Алина не двигается. Дима поднимает глаза.
— Что?
— Ничего.
— Я что-то не то сказал?
— Нет.
Она берёт вилку.
— Наоборот.
Рита прибегает из комнаты с конструкцией в руках.
— Смотрите!
Дима поворачивается.
— Это что?
— Дом.
Алина смотрит на кривую башню из разноцветных деталей.
— Красивый.
— Это не башня.
— Я сказала «дом».
— Ты подумала «башня».
— Откуда ты знаешь, что я подумала?
Рита отставляет дом, довольная собой.
— По лицу.
Дима начинает смеяться. Алина показывает ему средний палец под столом. Рита не замечает.
— Тут мама, тут папа, тут я.
Она показывает три фигурки внутри.

— А это дядя Миша.

Четвёртая стоит почти на крыше.

Дима смотрит.

— Почему он там?

— Не помещается.

— Логично, — говорит Алина.

Рита уносит дом обратно. Дима провожает её взглядом.

— Пока ничего ей не рассказывать?

— Конечно, нет.

— Я и не собирался.

— Знаю.

Алина ест.

Вкус есть.

Но мысли всё равно возвращаются к четвергу.

* * *

После ужина приходит сообщение от Гены.

Антон сказал ты согласилась встретиться

Без знака вопроса. Алина садится на край кровати. Дима в ванной.

Она отвечает:

Да.

Гена долго не пишет.

Потом:

Спасибо

Алина смотрит на экран.

Печатает:

Не за что.

Стирает.

Пишет снова то же самое.

Не за что.

Отправляет.

Гена отвечает почти сразу:

Есть за что

Она не знает, что сказать. Поэтому ничего не пишет. Через минуту приходит ещё одно сообщение.

Главное не передумай

Алина смотрит на эти три слова. Экран гаснет, но через минуту Алина снова включает его и открывает календарь.

Четверг.

18:30.

Создаёт встречу.

Антон Крылов

Телефон спрашивает, поставить ли напоминание.

Алина выбирает:

За час.

Сохраняет.

* * *

Напоминание срабатывает в половине шестого.

Антон Крылов — через час.

Алина смотрит на экран. Она сама выбрала это время и теперь злится на собственную предусмотрительность. До конца рабочего дня ещё тридцать минут.

Можно задержаться. Написать, что не успевает. Перенести на пятницу.

Антон вчера сам предложил пятницу. Она закрывает уведомление. Через минуту открывает календарь снова.

Встреча на месте. Никуда не делась. Алина выключает компьютер в шесть ровно.

Офис Антона находится на втором этаже небольшого бизнес-центра.

Никаких торжественных лестниц и длинных коридоров из судебных сериалов. На втором этаже пахнет растворимым кофе, возле пластикового кулера мокрые следы от чьих-то ботинок. У серых дверей — табличка с фамилиями.

Крылов Антон Викторович, адвокат.

Алина читает её дважды.

Стучит.

— Да.

Она открывает дверь. Антон встаёт из-за стола. На вид ему чуть больше сорока.

Светлая рубашка без галстука, тёмные брюки. Кабинет ничем не отличается от десятка офисов, в которых ей приходилось бывать: стол, два стула, шкаф, чайник на подоконнике. Только тонкая папка у локтя Антона заставляет её задержаться у порога.

— Алина Сергеевна?

— Да.

— Проходите.

Он показывает на стул.

— Чай, кофе, вода?

— Вода.

Антон наливает воду из бутылки и садится напротив.

Сверху написано:

Г. С.

Алина замечает. Антон тоже замечает, куда она смотрит.

— У Геннадия сохранилась часть документов. Остальное будем запрашивать.

Она кивает.

— Хорошо.

Он берёт ручку.

— Сразу ещё раз проговорю: сейчас это не допрос и не официальное объяснение. Я разговариваю с вами, чтобы понять обстоятельства и решить, что можно использовать дальше.

— Понятно.

— Я буду делать заметки. Вы не против?

— Нет.

— Если какой-то вопрос не хотите обсуждать, так и скажите.

Алина почти улыбается.

— Хорошо.

Антон открывает блокнот.

— Тогда проще всего с начала.

Ручка зависает над страницей.

— Расскажите своими словами, что произошло в тот вечер.

Алина берёт стакан. Вода холодная. Она делает глоток.

— Мы ехали втроём.

— Вы, Михаил и Геннадий?

— Да.

— Чья машина?

— Отца.
— Сергея?
— Да.
Антон пишет.
— Кто был за рулём?
Вопрос приходит слишком рано. Алина смотрит на его ручку.
— Сначала Миша.
Он поднимает глаза.
— Сначала?
Она чувствует, как пальцы плотнее обхватывают стакан.
— До того, как Гена ушёл.
Антон кивает.
— Хорошо. Продолжайте.
Алина выдыхает.
— Они выпивали.
— Михаил и Геннадий?
— Да.
— Вы?
— Нет.
— Почему?
— Мне было пятнадцать.
Антон чуть улыбается.
— Это не всегда аргумент.
— Для меня был.
— Понял.
Он снова делает пометку.
— Они поссорились.
— Из-за чего?
— Не помню.
— Совсем?
— Какая-то ерунда. Они уже были пьяные.
— Геннадий утверждает, что вышел из машины после ссоры.
— Да.
— Вы это помните?
— Да.
— Где примерно?
Алина называет район. Антон уточняет улицу.
Она отвечает.
— Он ушёл пешком?
— Да.
— Вы видели, куда?
— Сначала вдоль дороги. Потом мы уехали.
Антон пишет.
Несколько секунд слышно только ручку.
— После этого в машине остались вы и Михаил.
— Да.
— Что было дальше?
Алина смотрит на край стола.
— Я попросила остановиться.

Ручка прекращает двигаться.

— Зачем?

— Мне стало страшно.

— Из-за его состояния?

— Да.

Это тоже правда.

Антон кивает.

— Михаил остановился?

— Да.

— Вы выходили?

— Нет.

— Он?

Алина задерживает взгляд на краю стола.

— Не помню точно.

Антон не настаивает.

— Хорошо. Потом вы продолжили движение?

— Да.

Он снова пишет. Алина видит, как на бумаге появляются короткие строки. Разобрать не может и не просит показать.

— За рулём после остановки кто был?

В кабинете слышно, как за стеной тащат стул по полу и как с улицы нетерпеливо сигналит машина. Антон не торопит.

Алина отвечает:

— Миша.

Ручка касается бумаги.

Одно слово.

Потом ещё несколько.

— Вы это видели?

— Да.

— То есть после того, как Геннадий покинул машину, за рулём оставался ваш брат?

Алина смотрит на Антона.

— Да.

Он кивает.

Без реакции.

Без удивления. Просто записывает. Она делает ещё один глоток воды.

Стакан почти пустой.

— Дождь уже шёл, — говорит Алина. — Потом усилился. Было темно, дорога почти не освещалась.

Антон записывает.

— Что произошло непосредственно перед наездом?

Алина ставит стакан.

— Я увидела человека.

— Где?

— На дороге.

— Он переходил?

Она качает головой.

— Не знаю. Всё произошло быстро.

— Вы успели что-нибудь сказать?

— Не помню.

Это слово сегодня удобнее многих других. Антон не комментирует.

— Удар помните?

Алина смотрит на свои руки.

— Да.

— Машина остановилась сразу?

— Да.

Антон не пытается поймать её на слове. От этой спокойной внимательности отвечать не легче.

— Что вы сделали?

— Позвонила отцу.

— Почему сначала ему?

Алина поднимает глаза.

— Мне было пятнадцать.

На этот раз Антон не улыбается.

— Понятно.

— Потом вызвали скорую. Полицию. Я звонила, но уже не помню, в каком порядке.

— Михаил в каком состоянии был?

— Пьяный. В шоке.

— Потерпевший был жив?

— Да. Я подходила к нему.

Антон делает запись.

— Потом приехал ваш отец?

— Да.

— До полиции?

— Кажется, да. Или почти одновременно.

Антон откладывает ручку.

— Здесь можно подробнее?

Алина напрягается.

— Что именно?

— Что Сергей сделал после того, как приехал?

Она отводит взгляд.

— Сначала проверил нас.

— В каком смысле?

— Всё ли с нами нормально.

— Потом?

— Спросил, что произошло.

— Кто ему рассказал?

— Я.

— Что вы сказали?

Алина снова берёт пустой стакан. Ставит обратно.

— Что Гена ушёл раньше. Что мы поехали дальше. Что был человек на дороге.

Антон слушает.

— Вы сказали Сергею, кто был за рулём?

— Да.

— Что именно?

— Что Миша.

Антон кивает.

— И после этого Сергей предложил назвать Геннадия?

Алина молчит.

— Можно не торопиться.
— Да.
— Да — предложил?
— Да.
— Какими словами?
— Дословно не помню.
— Смысл?
Алина проводит большим пальцем по краю стакана.
— Что Мише восемнадцать. Что, если скажем правду, его посадят. Что Гене всё равно никто не поверит.
Антон не пишет несколько секунд.
— Почему Геннадию не поверят?
— У него уже были проблемы с полицией. Драки. Воровал по мелочи.
— А у Михаила?
— Нет.
— Сергей знал, что Геннадия в машине уже не было?
— Да.
— Вы ему сказали?
— Да.
Антон снова берёт ручку.
— Михаил присутствовал при этом разговоре?
— Да.
— Возражал?
Алина опускает взгляд на стакан.
— Он испугался.
Антон смотрит на неё.
— Это не совсем ответ.
— Знаю.
— Он согласился?
— Да.
Антон записывает.
— А вы?
Алина чувствует, как во рту становится сухо.
— Тоже.
— Почему?
Она смотрит на него.
— Папа сказал, что Мишу посадят.
— И вам было пятнадцать.
— Да.
— Хорошо.
Она почти раздражается.
— Не надо.
Антон поднимает глаза.
— Что именно?
— Про возраст.
— Я ничего не сказал.
— Вы подумали.
Он слегка откидывается на спинку стула.
— Я стараюсь не строить выводы раньше времени.

— Получается?

— По-разному.

Алина неожиданно улыбается. Совсем немного.

Антон тоже.

Потом снова становится серьёзным.

— Я не пытаюсь решить сейчас, кто из вас насколько виноват в том, что произошло после аварии.

Она кивает.

— Мне нужно понять факты.

— Понимаю.

— Поэтому ещё раз уточню. Сергей предложил сообщить, что за рулём находился Геннадий, хотя знал, что тот ушёл раньше.

— Да.

— Михаил согласился.

— Да.

— Вы согласились.

— Да.

— После этого вы придерживались этой версии при общении с полицией?

— Да.

Антон делает последнюю запись.

— Хорошо.

— Почему «хорошо»?

Он на секунду удивляется. Потом понимает.

— Профессиональная привычка.

Она качает головой.

— У нас семейная.

— Бывает.

Антон листает несколько страниц в папке. Достаёт копию. Кладёт перед собой, не перед ней.

Алина успевает увидеть дату. Пятнадцать лет назад.

— У меня есть копия вашего тогдашнего объяснения.

Она не двигается.

— Гена сохранил?

— Копия была в материалах, которые у него остались.

Антон смотрит на лист.

— Здесь вы говорите, что за рулём находился Геннадий.

— Да.

— Сейчас говорите обратное.

— Да.

— Если дело действительно пойдёт дальше, это будет одним из первых вопросов.

— Я понимаю.

— Вас спросят, почему вы тогда солгали.

— Я отвечу.

— Так же, как сейчас?

— Да.

Он кладёт лист обратно.

— Вас могут спрашивать неоднократно. Сравнивать детали. Время. Последовательность. То, что говорили другие.

— Понимаю.

— И вам придётся повторить не то, что удобно кому-то из семьи, а то, что вы помните сами.

Алина встречает его взгляд.

— Я понимаю.

Антон ненадолго замолкает.

— Ваш брат вчера сказал примерно то же самое.

Она напрягается.

— Что именно?

— Что отец предложил версию с Геннадием, а он согласился.

Алина кивает.

— Он также сказал, что не всё помнит одинаково хорошо. Был пьян.

— Да.

— Но в главном уверен.

Она знает, что сейчас прозвучит.

— Что был за рулём.

— Да.

Антон закрывает папку.

— Хорошо.

Она почти говорит что-нибудь про это слово.

Не говорит.

Он кладёт ручку поверх блокнота.

— На сегодня у меня всё.

Алина удивляется.

— Всё?

— Для первого разговора — да.

— И что теперь?

— Я поговорю ещё с вашим отцом.

— Если он согласится.

— Конечно.

— Может не согласиться.

— Это его право.

— И дальше?

— Дальше посмотрим на документы и решим, каким путём двигаться. Сейчас рано обещать Геннадию результат.

— Он знает?

— Знает.

Антон собирает листы в папку. Потом останавливается.

— Я хочу только ещё раз проверить, что правильно вас понял.

Алина ждёт.

Он говорит медленно:

— Геннадий ушёл до аварии. После этого вы с Михаилом остались вдвоём, останавливались по вашей просьбе и снова поехали. Всё верно?

— Да.

Антон смотрит на неё.

— За рулём, по вашим словам, находился Михаил.

Вот оно.

Не «был».

Не «точно».

По вашим словам.

Алина отвечает:

— Да.

Антон кивает.

— Хорошо.

Закрывает блокнот. На этот раз слово её не раздражает.

* * *

На улице темно и сухо.

Алина садится в машину и закрывает дверь. Несколько секунд просто сидит. Телефон лежит в сумке.

Она его не достаёт. Перед глазами почему-то остаётся блокнот Антона.

Не текст.

Она почти ничего не успела прочитать. Только движение ручки.

Вопрос.

Ответ.

Следующий вопрос. Антон не торопил и не подсказывал ответов. Отец не стоял рядом. А сказанные слова теперь никуда не денутся. Телефон вибрирует.

Дима.

Она отвечает.

— Да?

— Закончила?

— Да.

— Как прошло?

Алина смотрит через лобовое стекло на вход в бизнес-центр.

— Нормально.

— Опять это слово.

— Другого нет.

— Долго?

— Час примерно.

— Он сильно мучил?

— Нет.

— Что спрашивал?

— Всё.

Дима ненадолго замолкает.

— Ты сказала?

Она знает, что он имеет в виду.

— Да.

— Всё как было?

Алина держит руль одной рукой.

— Да.

Ответ выходит спокойно. Дима выдыхает.

— Тогда приезжай домой.

— Еду.

— Рита требует пиццу.

— С чего вдруг?

— Потому что четверг.

— Это теперь повод?

— По её версии — да.

— Не заказывай большую.

— Поздно.

— Дим.
— Едь домой.
— Еду.
Она отключается. Заводит машину.
Перед тем как выехать с парковки, снова вспоминает голос Антона:
За рулём, по вашим словам, находился Михаил.
И свой ответ.
Не отца.
Не Мишин.
Свой.
Да.

Глава 8

В пятницу мама звонит сама, в девять семнадцать. Алина стоит возле принтера и ждёт, пока он выплюнет двадцать три страницы договора.

— Привет.

— Ты на работе?

— Да.

— Я быстро.

У Алины сразу напрягаются плечи.

— Что с папой?

Мама молчит полсекунды. Этого хватает.

— Мам.

— Ничего срочного.

— Это вообще не успокаивает.

— Вчера были на обследовании.

— Я знаю.

— Врач хочет ещё посмотреть результаты анализов и в понедельник решить, что дальше с лечением.

Алина отходит от принтера.

— Что нашли?

— Пока ничего такого, что можно нормально объяснить по телефону.

— Ты сейчас серьёзно?

— Алин.

— Мам, скажи нормально.

Ирина выдыхает.

— Есть изменения. Не катастрофа. Но лечение, возможно, придётся менять.

Алина смотрит на стену перед собой.

Белую.

Совершенно пустую.

— Он как?

— Злится.

— Значит, нормально.

Мама неожиданно смеётся.

Тихо.

— Примерно так.

— Тошнит?

— Сегодня нет.

— Температура?

— Нет.

— Ел?

— Яичницу.

— Всю?

— Почти.

— Хорошо.

— Вот и я ему сказала.

— И?

— Попросил больше никогда не оценивать его состояние количеством съеденной яичницы.

— Очень на него похоже.
Мама молчит.
Алина спрашивает:
— Вы разговариваете?
— Кто?
— Мам.
— Разговариваем.
— Нормально?
— Нет.
Ответ быстрый.
Честный.
— Но разговариваете.
— По необходимости.
— Понятно.
Принтер пищит. На экране появляется ошибка. Алина даже не смотрит какая.
— Мишу предупредила?
— Он утром звонил.
— А папа?
— Что папа?
— Он знает, что мы все уже знаем?
Мама снова молчит.
— Знает.
— И как?
— Алина, у меня нет сейчас сил одновременно обсуждать его рак и то, какой он мудак.
Она застывает. Потом начинает смеяться.
— Мам.
— Что?
— Ничего.
— Очень смешно?
— Очень неожиданно.
Ирина тоже смеётся. Совсем немного.
— Всё. Работай.
— Если что-то будет — сразу звони.
— Позвоню.
— Правда.
— Да.
— И не жди до вечера.
— Алина.
— Что?
— Я твоя мать.
— И?
— Не командуй мной.
— Позвонишь?
— Позвоню.
— Хорошо.
— Пока.
— Пока.

Алина убирает телефон. Только тогда замечает коллегу возле принтера. Та держит стопку бумаги.

— Всё нормально?

Алина смотрит на неё.

— Нет.

Коллега явно не ожидала.

— А…

— Но пока ничего срочного.

— Поняла.

Теперь ей придётся дождаться понедельника вместе с матерью и Сергеем. Алина забирает документы.

* * *

Около двенадцати пишет Гена.

Антон говорил с тобой?

Алина отвечает не сразу.

Да. Вчера.

Три точки появляются почти мгновенно.

Как?

Она смотрит на вопрос.

Нормально.

Ответ:

Вы все сговорились с этим словом?

Алина усмехается.

Похоже на то.

Гена присылает:

Блять

И следом:

Что сказал?

Что будет смотреть документы. Хочет поговорить с папой.

Ответа нет почти минуту.

Потом:

Сергей согласился?

Алина начинает печатать.

Стирает.

Пишет:

Не знаю. У него сейчас обследования. С лечением что-то будут решать в понедельник.

На этот раз Гена не отвечает дольше. Алина кладёт телефон на стол. Через пять минут экран загорается.

Хуже стало?

Она читает.

Не знаю пока. Возможно поменяют лечение.

Гена:

Понял

И всё.

Алина уже возвращается к таблице, когда приходит ещё одно сообщение.

Тогда Антону скажу чтоб пока его не трогал

Она перечитывает.

Не надо.

Ответ появляется сразу.

Почему

Потому что дело не должно зависеть от папиного лечения.
Гена долго печатает.
Несколько дней ничего не изменят
Алина смотрит на экран.
Потом пишет:
Ты пятнадцать лет ждал.
Отправляет — и сразу жалеет.
Гена отвечает:
Вот именно
Она не знает, что сказать.
Через несколько секунд:
До понедельника подожду
Алина блокирует телефон. Минуту смотрит на таблицу. Не видит ни одной цифры.
После работы она едет к родителям. Не предупреждает. Мама открывает почти сразу. В домашнем костюме, волосы собраны кое-как.
— Ты чего?
— Приехала.
— Я вижу.
— Папа дома?
— А где ему быть?
Алина снимает ботинки.
Из комнаты доносится:
— Я всё слышу.
Она улыбается.
— Значит, живой.
— К сожалению, — отвечает отец.
Мама закатывает глаза.
— Вот весь день так.
Алина идёт в комнату. Сергей лежит на диване.
Не спит.
На коленях планшет. Рядом очки и кружка с чаем.
— Привет.
— Привет.
Она подходит.
— Как ты?
— Яичницу съел почти всю.
Алина поворачивается к маме. Ирина стоит в дверях.
— Ты ему рассказала?
— Я больше не знаю, на какие показатели ориентироваться.
Сергей снимает очки.
— Вы обе ненормальные.
Алина садится рядом.
— Что врач сказал?
— В понедельник скажет.
— А вчера?
— Что надо смотреть всё вместе.
— Анализы?
— И анализы.
— Снимки?

— Алина.
— Что?
— Ты врач?
— Нет.
— Тогда зачем ты сейчас будешь по кускам собирать то, что даже врач пока не собрал?
Она замолкает.
— Логично.
— Спасибо.
Мама приносит чай. Ставит перед Алиной кружку. Перед Сергеем ничего.
Он смотрит.
— А мне?
— У тебя есть.
— Холодный.
— Сам сказал, что нормальный.
Сергей берёт кружку. Делает глоток.
— Нормальный.
Ирина смотрит на Алину.
— Видишь?
— Что?
— Невыносимый.
— Мам.
— Я про чай.
Отец усмехается. На несколько секунд всё почти обычно. Алина греет ладони о кружку.
Потом говорит:
— Мне Гена сегодня писал.
Улыбка с лица отца исчезает. Мама садится в кресло.
— Зачем?
— Спросил про адвоката.
Сергей смотрит на дочь.
— И?
— Антон хочет с тобой поговорить.
— Знаю.
— Откуда?
— Звонил.
Алина удивляется.
— Когда?
— Сегодня.
— И ты не сказал?
— Кому?
Она смотрит на него. Отец вздыхает.
— Я не согласился и не отказался.
— Пап.
— Что?
— Не начинай опять тянуть.
Ирина вмешивается:
— Серёж.
Он переводит взгляд на неё.
Мама говорит спокойно:
— Поговори.

Сергей молчит.
— Не сегодня, — добавляет она. — Не завтра. Но поговори.
Он смотрит на неё дольше.
— Хорошо.
Ирина прищуривается.
— Не из-за меня.
— Я понял.
Алина достаёт телефон.
— Гена сказал, что попросит Антона пока тебя не трогать. До понедельника.
Сергей смотрит на неё.
— Почему?
— Потому что я сказала про обследование.
Лицо отца меняется едва заметно.
— Зачем?
— Он спросил.
— И ты решила сообщить ему про моё здоровье?
— Он и так знает, что ты болеешь.
— Это не значит…
Алина перебивает:
— Пап, он не использовал это.
Сергей замолкает.
— Наоборот. Сам предложил подождать.
Отец опускает взгляд на кружку.
Мама спрашивает:
— Он правда так сказал?
— Да.
— Просто так?
Алина пожимает плечами.
— Видимо.
Ирина долго молчит.
Потом:
— Значит, не совсем таким он вырос, как вы думали.
Сергей поднимает глаза.
— Я никогда не думал, что он плохой.
Алина поднимает голову.
— Серьёзно?
— Да.
— Ты подставил семнадцатилетнего человека, про которого не думал, что он плохой.
В комнате становится тихо. Мама не вмешивается. Сергей ставит кружку на стол.
— Я знаю, что сделал.
— Ты постоянно это говоришь.
— Потому что знаю.
— Иногда не похоже.
Отец смотрит на неё.
— А что ты хочешь услышать?
Алина открывает рот.
Не отвечает.
Сергей ждёт.
— Не знаю.

— Вот.
Она раздражённо откидывается на спинку дивана.
— Не говори «вот».
— Почему?
— Потому что бесит.
— Это тоже семейное? — спрашивает мама.
Алина поворачивается. Ирина улыбается краем губ.
— Очень смешно.
— Немного.
Отец тоже почти улыбается. Потом выражение лица снова становится серьёзным.
— Гена в детстве был сложным.
Алина слушает.
— Дрался. Воровал. Вечно во что-то лез.
— Я знаю.
— Но плохим не был.
— И это должно что-то улучшить?
— Нет.
Сергей проводит ладонью по колену.
— Ты спросила.
— Тогда как ты смог?
Мама переводит взгляд на мужа. Сергей молчит.
Долго.
— Я уже отвечал.
— «Спас ребёнка»?
— Да.
— И всё?
— Для тебя мало?
Она не отвечает.
Он продолжает:
— Ты хочешь, чтобы сейчас нашлась фраза, после которой всё станет логичным.
— Нет.
— Хочешь.
— Пап…
— Такой фразы нет.
Сергей смотрит на неё спокойно.
— Я выбрал. И потом пятнадцать лет жил с тем, что выбрал.
Алина чувствует раздражение.
— Гена тоже.
— Знаю.
— Миша тоже.
— Знаю.
— Я тоже.
Отец смотрит на неё.
— Знаю.
Алина первой отводит глаза.
Мама встаёт.
— Всё.
— Что? — спрашивает Алина.
— Хватит на сегодня.

— Мам…

— У него давление потом поднимется, а виновата буду я.

Сергей хмыкает.

— Почему ты?

— Потому что таблетки опять не там лежат, где я сказала.

— Они лежат там, где лежали двадцать лет.

— Вот именно.

Алина смотрит на них. На секунду становится странно. Мама всё ещё злится.

Отец всё ещё спит на диване. Два дня назад мама ещё спрашивала, почему никто не ест горячее. Теперь она сидит напротив Сергея и знает, что он скрывал от неё пятнадцать лет. И всё равно они спорят о таблетках.

Ирина замечает взгляд дочери.

— Что?

— Ничего.

— Не начинай.

Алина улыбается.

* * *

Дома Дима встречает её на кухне. Риты не видно.

— Где ребёнок?

— В ванной.

— Одна?

— Ей восемь.

— Это не ответ.

Из ванной кричит:

— Я жива!

Дима показывает в сторону двери.

— Видишь?

Алина снимает куртку.

— Убедительно.

Он достаёт из холодильника контейнер.

— Есть будешь?

— Да.

— Ого.

— Что?

— Ничего.

Она садится.

— Гена попросил адвоката не трогать папу до понедельника.

Дима ставит контейнер на стол.

— Из-за обследования?

— Да.

— Нормально.

— Что?

— Ничего.

— Дим.

Он садится напротив.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Не знаю.

— Человеческий поступок.

— Я знаю.

— Тогда?

Она пожимает плечами.

— Странно.

— Почему?

— Потому что он ненавидит Мишу. Папу вообще должен ненавидеть больше всех.

— И?

— И мог бы не ждать.

Дима смотрит на неё.

— Тебе было бы легче, если бы он оказался мудаком?

Алина напрягается.

— Что?

— Ну смотри. Если он приходит, орёт, требует всех посадить, радуется папиному раку — его проще не жалеть.

— Я не говорила, что хочу этого.

— Не говорила.

— Тогда зачем?

Дима открывает контейнер.

— Потому что ты каждый раз удивляешься, когда он ведёт себя нормально.

Алина молчит.

— Может, он просто нормальный человек, с которым поступили очень плохо.

— Он потом сел второй раз.

— За своё.

Она резко смотрит на мужа. Он не отводит глаз. Фраза знакомая.

Генина.

— Я знаю.

Дима кивает.

— Ты каждый раз цепляешься за то, что он потом пил, дрался, опять сел. Как будто это должно что-то изменить.

— Не должно.

— Тогда не смешивай.

Алина отворачивается. Дима ставит перед ней еду.

— Я не защищаю его во всём.

— Похоже.

— Нет.

Он садится рядом. Алина берёт вилку. Есть не хочется.

Но она всё равно начинает. Через несколько минут из ванной выходит Рита в пижаме и с мокрыми волосами.

— Мам, заплетёшь?

— Иди сюда.

Рита садится к ней спиной прямо на соседний стул. Алина разделяет мокрые волосы пальцами.

— Больно.

— Я ещё ничего не сделала.

— Заранее говорю.

Дима собирает посуду.

Рита спрашивает:

— Дедушка болеет?

Алина замирает всего на секунду.

— Он давно лечится, ты знаешь.

— Я знаю. А сейчас хуже?
— Пока не знаем.
Рита думает.
— Он не умрёт?
Дима останавливается у раковины. Алина продолжает заплетать.
— Врачи его лечат.
— Это не ответ.
Она закрывает глаза.
На секунду.
Потом отвечает:
— Нет. Не ответ.
Рита ждёт.
— Я не знаю, — говорит Алина.
Девочка молчит.
Потом тихо:
— Я не хочу, чтобы он умер.
— Я тоже.
Алина затягивает резинку.
— Готово.
Рита поворачивается и обнимает её.
Просто так.
Алина прижимает дочь к себе. Через её плечо видит Диму. Он ничего не говорит.
Перед сном телефон вибрирует.
Гена.
Антон знает. До понедельника Сергею звонить не будет.
Алина отвечает:
Спасибо.
Через минуту:
Не за что
Она смотрит на сообщение. Улыбается без радости.
Пишет:
Есть за что.
Гена не отвечает. Алина кладёт телефон экраном вниз. До понедельника несколько дней. Гена ждал пятнадцать лет — и всё равно первым предложил не тревожить Сергея до обследования.

* * *

В понедельник Алина просыпается раньше будильника. Без десяти шесть. Дима спит рядом.

Она лежит, смотрит в потолок и пытается понять, что именно её разбудило. Потом вспоминает. Сегодня врач должен сказать, что дальше с лечением отца.

Телефон на тумбочке молчит. Алина берёт его.

Ни сообщений.

Ни пропущенных. Открывает переписку с мамой.

Последнее вчера вечером:

Всё нормально. Спит.

Она не пишет.

В шесть утра мама всё равно не ответит ничего полезного. А если ответит, придётся удержаться от десятка вопросов, на которые у мамы пока нет ответа. Она кладёт телефон обратно.

Через минуту снова берёт. Дима открывает глаза.

— Ты чего?
— Ничего.
— Врёшь.
— Спи.
Он смотрит на часы.
— Шесть утра.
— Я вижу.
— Тогда почему ты уже существуешь?
— Не знаю.
Дима закрывает глаза.
— Перестань.
Алина поворачивается к нему.
— Что перестать?
— Думать так громко.
— Иди нахуй.
— Люблю тебя тоже.
Она всё-таки улыбается.
* * *
К девяти отец с мамой уже в больнице.
Алина знает это потому, что написала маме в восемь пятьдесят девять:
Вы приехали?
Мама ответила:
Да.
В девять двадцать:
Зашли?
Ждём.
В девять сорок семь:
Ну?
Ответа нет.
Алина кладёт телефон экраном вниз. Через две минуты переворачивает.
Ничего.
В десять пятнадцать звонит Миша.
— Есть новости?
— Нет.
— Мама тебе не писала?
— Последний раз в девять двадцать.
— Мне тоже.
— Значит, разговаривают с врачом.
Миша молчит.
— Ты в кафе? — спрашивает Алина.
— Да.
На заднем плане звякает посуда. Кто-то говорит: «Миш, накладная где?»
Он отвечает в сторону:
— На столе возле кассы.
Потом снова Алине:
— Позвони мне сразу.
— Если мама сначала позвонит мне.
— Ну да.
— Ты ей тоже можешь позвонить.

— Не хочу мешать.
Алина смотрит на телефон.
— А мне, значит, можно?
— Ты сестра.
— А ты брат.
— Я старше.
— И?
— Ничего.
Она усмехается.
— Иди работай.
— Сам иди.
Он отключается. В десять тридцать две мама звонит. Алина берёт сразу.
— Да?
— Всё.
Сердце проваливается куда-то вниз.
— Что всё?
— Приём закончился.
— Мам.
— А что ты подумала?
— Неважно. Говори.
Ирина выдыхает.
— Текущую схему продолжать не хотят. Скорее всего будут менять.
Алина встаёт из-за стола.
— Почему?
— Потому что ответ хуже, чем рассчитывали.
— Насколько хуже?
— Алин, я не запомнила цифры.
— Мама.
— Я запомнила главное.
— Какое?
— Это не значит, что лечение не работает совсем. Но так же продолжать врач не хочет.
Алина выходит в коридор.
— Госпитализация?
— Нет.
— Когда начинают новое?
— Пока ещё консультация и анализы. Потом решат, на что именно менять.
— Папа где?
— Рядом.
— Дай ему.
— Он не хочет.
— Дай.
На фоне слышно:
— Ира, не надо.
Мама говорит:
— Сам с ней разговаривай.
Шорох.
Потом голос отца:
— Привет.
— Почему не хочешь со мной разговаривать?

— Потому что ты сейчас задашь те же двадцать вопросов.
— Значит, отвечай быстрее.
— Лечение меняют. Я не умираю сегодня. Домой отпускают.
Алина закрывает глаза.
— Очень смешно.
— Я не шучу.
— Вот именно.
Отец молчит.
Она спрашивает:
— Ты как?
— Нормально.
— Пап.
— Злюсь.
— На кого?
— На всех.
— Тогда правда нормально.
Он усмехается.
— Миша знает?
— Сейчас позвоню.
— Не надо. Я сам.
— Точно?
— Алина.
— Хорошо.
— И на работу вернись.
— Я на работе.
— Тогда работай.
— Ты сейчас мне отец или начальник?
— Отец.
— Хуже.
— Согласен.
Она улыбается.
— Позвони вечером.
— Позвоню.
— Сам.
— Сам.
— Не через маму.
— Господи.
— Пап.
— Позвоню.
Связь обрывается. Алина стоит в коридоре ещё несколько секунд.
Потом пишет Мише:
Лечение меняют. Не срочная госпитализация. Папа сам тебе позвонит.
Ответ приходит почти сразу:
Уже звонит
И следом:
Спасибо
Она убирает телефон. Впервые с утра удаётся нормально вдохнуть. В обед Алина сама пишет Гене.
Долго смотрит на пустое поле.

Потом:
Сегодня врач сказал, что папе поменяют лечение. Но ничего срочного.
Ответ приходит через несколько минут.
Понял
Она ждёт.
Больше ничего.
Пишет:
Можешь сказать Антону, что папа готов поговорить.
На этот раз Гена отвечает быстрее.
Он сам согласился?
Да.
Три точки появляются.
Точно?
Алина хмурится.
А что?
Ничего. Просто не хочу чтоб потом было Сергей больной мы его заставили
Она перечитывает.
Никто его не заставляет.
Гена:
Тогда скажу
Через секунду ещё одно:
Спасибо что написала
Алина печатает:
Не за что.
Смотрит.
Удаляет.
Пишет:
Хорошо.
Гена отвечает:
Блять
Она смеётся.
Коллега напротив поднимает голову.
— Что?
— Ничего.
— Ты одна смеёшься в телефон и говоришь «ничего». Подозрительно.
— Долго объяснять.
— Это заразно?
— Очень.
* * *
Антон звонит отцу вечером. Алина узнаёт об этом не от Сергея.
От мамы.
Антон звонил. Завтра в шесть встречаются.
Она сразу набирает отца.
— Ты серьёзно?
— Привет.
— Завтра?
— Да.
— Ты только сегодня был у врача.
— И?

— Может, хотя бы день…

Он молчит.

Алина слышит собственную фразу и останавливается.

Хотя бы день.

Хотя бы неделю. Хотя бы до понедельника.

— Что? — спрашивает отец.

— Ничего.

— Вот и хорошо.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал.

Сергей усмехается.

— Откуда это у тебя?

— От адвоката.

— Что?

— Ничего.

Отец не спрашивает второй раз.

— Я завтра сам поеду.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я тебя отвезу.

— Не надо.

— Пап.

— Алина, у меня есть машина.

— И ты только что узнал, что тебе меняют лечение.

— Какая связь?

— Прямая.

— Объясни.

— Я не хочу, чтобы ты после разговора ехал один.

Тишина.

— Это не допрос, — говорит Сергей.

— Знаю.

— Меня не арестуют у двери.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Алина садится на край кровати. Дима рядом складывает одежду в сумку для спортзала и не вмешивается.

— Я отвезу.

— Нет.

— Тогда Миша.

— Тем более нет.

— Почему?

— Потому что он полезет внутрь.

Алина невольно улыбается.

— Это правда.

— Вот.

— Не говори «вот».

— Завтра работаешь?

— До шести.

— У меня встреча в шесть.
— Я уйду раньше.
— Нет.
— Пап.
— Я вызову такси.
Она замолкает.
— Договорились? — спрашивает он.
— Нет.
— Тогда хотя бы не спорим сейчас.
— Это не договорённость.
— Зато тишина.
Он отключается. Алина смотрит на экран. Дима застёгивает сумку.
— Поедешь?
— Конечно.
— Он же сказал не ехать.
— И?
— Ничего.
Алина кивает.
— Вот и правильно.
Дима улыбается.
— Очень убедительно.
Во вторник Алина уходит с работы в пять. Отцу не пишет. Едет к бизнес-центру Антона.
Паркуется через дорогу. В пять сорок восемь видит знакомую машину. Сергей всё-таки приехал сам.
Она ругается вслух.
Отец выходит.
Закрывает машину. Останавливается. Смотрит прямо через дорогу.
На неё.
Алина медленно сползает ниже в кресле.
Поздно.
Телефон звонит.
Папа.
Она отвечает.
— Да?
— Ты совсем идиотка?
— Привет.
— Что ты здесь делаешь?
— Работаю.
— В машине?
— Удалённо.
— Алина.
Она смотрит через стекло. Отец стоит возле своей машины с телефоном у уха.
— Я просто подожду.
— Я просил не приезжать.
— Ты сказал, что сам доедешь.
— Я доехал.
— Молодец.
— Домой.
— Нет.

Он закрывает глаза. Даже с другой стороны дороги видно.
— Делай что хочешь.
— Спасибо.
— Это не разрешение.
— Поздно.
Сергей отключается. Переходит дорогу. Алина опускает стекло.
Он подходит.
— Довольна?
— Очень.
— Я разговаривать буду один.
— Я знаю.
— Даже не пытайся.
— Пап, Антон сам просил всех отдельно.
— Тогда зачем ты здесь?
Она пожимает плечами.
— Подожду.
— Чего?
— Тебя.
Отец несколько секунд молчит. Потом качает головой.
— Психическая.
— От тебя.
— Конечно.
Он уходит к входу. Алина смотрит ему вслед. Через двадцать минут ей пишет Миша.
Папа у Антона?
Она отвечает:
Да.
Ты там?
Алина хмурится.
Откуда ты знаешь?
Потому что я тебя знаю
И следом:
Он знает что ты там?
Уже да.
Миша присылает смеющийся смайлик.
Алина:
Очень смешно
Очень
Через минуту:
Как он?
Нормально. Злой.
Значит нормально
Она улыбается.
Мама сегодня уже так сказала
Не удивлён

Алина убирает телефон. Почти час Алина то берётся за телефон, то убирает его в сумку. Когда Сергей наконец выходит, Алина успевает трижды проверить время. Она успевает дважды выйти из машины.

Купить воду в магазине рядом.

Вернуться.

Проверить рабочую почту. Позвонить Диме. Ответить Рите, что нет, она не разрешает заказать роллы второй день подряд.

В семь без десяти дверь бизнес-центра открывается.

Отец выходит.

Идёт медленнее, чем заходил. Алина сразу открывает дверь машины. Сергей замечает.

Переходит дорогу.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто я сейчас упаду.

— Я ничего не сказала.

— У тебя лицо говорит.

Он открывает пассажирскую дверь и садится. Алина поворачивается.

— А твоя машина?

— Завтра заберу.

— Ты сам решил?

— Нет. Просто не хочу сейчас вести.

Алина ничего не говорит. Заводит двигатель. Несколько минут они едут молча.

Первым начинает отец:

— Мама знает, что ты приехала?

— Нет.

— Отлично.

— Почему?

— Потому что она бы приехала тоже.

— Возможно.

— Миша?

— Знает.

Сергей стонет.

— Господи.

— Сам спросил.

— У вас вообще есть границы?

— Нет.

Он смотрит в окно.

Алина ждёт.

Не выдерживает первой.

— Ну?

— Что?

— Как прошло?

— Нормально.

Она поворачивает голову.

— Ты издеваешься?

— Немного.

— Пап.

Он улыбается.

Совсем чуть-чуть.

— Антон задавал вопросы.

— Какие?

— Те же, что тебе.

— Откуда ты знаешь, что он спрашивал меня?

— Я умею предполагать.

— И?
Отец смотрит на дорогу.
— Я рассказал, как всё было после аварии.
Алина сильнее сжимает руль.
— Всё?
Он поворачивает голову.
— Нет.
Она молчит.
Сергей продолжает:
— Всё, что касается Гены.
— Что именно?
— Что он ушёл раньше.
— И?
— Что я это знал.
Алина кивает.
— Что предложил назвать его.
Её пальцы напрягаются на руле.
— Что Миша согласился.
Она смотрит только вперёд.
— Что ты была ребёнком и сделала то, что сказал отец.
Алина тихо выдыхает.
— Он спрашивал, почему?
— Конечно.
— И что ты сказал?
— Правду.
Она поворачивается. Отец смотрит на неё спокойно.
— Что хотел спасти своего ребёнка.
Алина сразу возвращает взгляд на дорогу. Несколько секунд слышен только двигатель.
— Он что-нибудь сказал?
— Спросил, понимал ли я, что Гена невиновен.
— И?
— Сказал, что понимал.
Алина сглатывает.
— Потом?
— Спросил, жалею ли.
— Что ты ответил?
Сергей молчит дольше.
— Что да.
— И всё?
— Нет.
Она ждёт.
— Он спросил, сделал бы я тогда иначе.
Алина знает ответ.
Всё равно спрашивает:
— И?
— Я сказал, что не знаю.
Она резко смотрит на него.
— Ты же маме сказал «нет».
— Маме я отвечал как муж.

— А ему?

— Как человек, который разговаривает с адвокатом.

— Это разные ответы?

Сергей поворачивается к окну.

— Видимо.

Алина едет дальше. На светофоре останавливается.

Красный.

— Про Мишу спрашивал?

— Да.

У Алины немеют пальцы на руле. Она ослабляет хватку, пока отец смотрит прямо перед собой.

— И?

Отец проводит ладонью по лицу.

— Я подтвердил то же, что уже сказали вы.

Алина смотрит на красный свет. Он не говорит больше.

Она тоже.

Загорается зелёный. Машина сзади сигналит. Алина трогается.

* * *

У родителей мама ждёт у подъезда.

Без куртки.

В домашней кофте. Алина тормозит возле бордюра.

— Мам, ты ненормальная?

Ирина открывает пассажирскую дверь раньше, чем Сергей успевает выйти.

— Почему ты трубку не берёшь?

Он достаёт телефон.

Смотрит.

— Без звука.

— Я тебе шесть раз звонила.

— Извини.

Мама переводит взгляд на Алину.

— А ты?

— Что я?

— Почему не сказала, что забираешь его?

— Потому что не знала, что заберу.

Ирина смотрит на мужа.

— Что случилось?

— Ничего.

— Серёжа.

— Я устал. Алина довезла.

Мама поджимает губы.

— Домой.

Сергей выходит. Ирина тут же берёт его под руку. Он смотрит на её руку.

Потом на неё.

Ничего не говорит. Алина замечает.

Мама тоже.

Но руку не убирает.

— Ты зайдёшь? — спрашивает она дочь.

— Нет. Дима ждёт.

— Поела?

— Мам.
— Что?
— Да.
Это ложь.
Совсем маленькая.
Мама кивает.
— Завтра позвони.
— Позвоню.
Сергей уже у подъезда оборачивается.
— Алин.
— Что?
— Спасибо.
Она смотрит на него.
— За что?
— Что приехала.
— Ты же был против.
— Был.
— И?
Отец пожимает плечами.
— Передумал.
Алина улыбается. Они заходят в подъезд. Дома Дима сразу ставит перед ней тарелку.
— Я знал, что ты врёшь маме, — говорит он.
Алина снимает обувь.
— Откуда?
— Она звонила.
— Что?
— Искала вас.
— Блядь.
— Я сказал, что ты поехала за Сергеем.
— Отлично.
— А что мне надо было сказать?
— Не знаю.
Дима показывает на тарелку.
— Садись.
Она садится.
— Как прошло?
— Он подтвердил версию.
Дима ставит вилку рядом.
— Какую?
Алина смотрит на тарелку.
— Что Гена ушёл. Что папа предложил обвинить его. Что Миша согласился.
— А про тебя?
— Что мне было пятнадцать и я послушала отца.
Дима садится напротив.
— Значит, теперь трое говорят одно и то же.
Алина поднимает глаза.
— Да.
— Это хорошо для Гены.
— Да.

Дима кивает.
— А для Миши?
Она молчит.
— Он сам решил, — говорит Алина.
— Я знаю.
— Он хочет, чтобы Гена был реабилитирован.
— Знаю.
Она берёт вилку. Дима не продолжает. Это почему-то раздражает.
— Что?
— Ничего.
— Дим.
— Я ничего не сказал.
— Но думаешь.
Он смотрит на неё.
— Конечно.
— Что?
— Что теперь назад будет намного сложнее.
Алина кладёт вилку.
— Я и не собираюсь назад.
— Хорошо.
Она резко выдыхает.
— Ты специально?
— Нет.
— У тебя лицо.
— Теперь ещё и лицо виновато?
Потом сама начинает смеяться.
— Иди нахуй.
— Поешь сначала.
Она ест.
На этот раз действительно голодна.
* * *
Перед сном приходит сообщение от Гены.
Антон сказал Сергей поговорил
Алина отвечает:
Да.
Три точки.
Спасибо
Она смотрит на слово.
Пишет:
Это не мне.
Гена отвечает:
А кому
Алина думает.
Папе.
Ответ приходит не сразу.
Ему потом
Она хмурится.
В смысле?
Гена:

Сначала пусть дело сдвинется

Алина смотрит на экран.

Через минуту приходит ещё одно:

Я пока никому не верю до конца

Она читает дважды.

Потом пишет:

Правильно.

Гена отвечает:

Нихуя себе

Алина улыбается.

Что?

Первый раз ты со мной согласилась

Она собирается ответить.

Не отвечает.

Телефон остаётся в руке. Рядом спит Дима. За стеной что-то падает в комнате Риты.

Потом тишина.

Алина выключает экран. Антон услышал эту историю от троих — от неё, от Миши, от отца. У каждого своя память о той ночи, а Гены в машине уже не было.

Глава 9

В среду после обеда Гена присылает фотографию.

Без текста.

Алина открывает сообщение между двумя рабочими письмами. На снимке лист бумаги. Серый от копирования.

По краям тёмные полосы.

Наверху дата.

Пятнадцать лет назад.

Ниже заголовок:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ

Ещё ниже несколько строк печатного текста. Она увеличивает.

Читает.

…поясняю, что автомобилем управлял Г. С…

Она задерживает палец над экраном. Внизу старой, неровной копии — её фамилия. Потом экран гаснет.

Она касается его снова. Фотография возвращается. Ещё сообщение.

Помнишь?

Она смотрит на вопрос.

Печатает:

Откуда это?

Гена отвечает почти сразу:

Антон получил часть материалов

Потом:

Там много интересного

Алина блокирует телефон. Через минуту снова открывает переписку.

Зачем ты мне это прислал?

Три точки.

Исчезают.

Возвращаются.

Хочу поговорить

Она закрывает глаза.

О чём?

Не по телефону

Алина смотрит на время.

14:26.

Сегодня не могу.

Ответ:

Завтра

Она собирается написать, что тоже не может.

Не пишет.

После работы.

Гена:

Где скажешь

Она выбирает кафе недалеко от офиса.

Не Мишино.

Эту мысль даже не приходится обдумывать.

* * *

В четверг Гена приходит раньше. Он сидит у стены. Чёрная куртка висит на спинке стула.

На столе кофе. Перед ним прозрачная папка. За стеклом Алина видит, как Гена крутит чашку за ручку, не отпивая. Она задерживается у двери на пару секунд.

Потом входит.

Гена поднимает голову.

— Привет.

— Привет.

Она снимает пальто. Садится напротив.

— Я ненадолго.

— Хорошо.

Подходит официантка. Алина заказывает чай. Гена ждёт, пока девушка уйдёт.

Потом касается папки.

— Антон вчера забрал копии.

— Ты же сказал, получил материалы.

— Получил он. Мне дал посмотреть.

— И?

Гена усмехается.

— Ты правда хочешь спросить «и»?

Алина смотрит на папку.

— Показывай.

Он достаёт несколько листов. Не отдаёт сразу.

— Я не затем тебя позвал, чтобы ты сейчас читала всё подряд.

— Тогда зачем?

— Хотел кое-что спросить.

— Спрашивай.

Гена кладёт первый лист перед ней. Тот же, что на фотографии. Алина узнаёт дату.

Свои инициалы. Подпись внизу.

Мелкую.

Неровную.

Ей пятнадцать. Рядом с подписью указано присутствие законного представителя.

Отец.

Алина смотрит чуть дольше, чем собиралась.

— Это твой первый допрос, — говорит Гена.

— Вижу.

— В ту ночь.

— Да.

— Ты его помнишь?

— Не дословно.

— Я тоже своё не дословно помню.

Он откидывается на стул.

— Зато некоторые вещи отлично.

Приносят чай.

Алина благодарит. Официантка уходит.

Гена ждёт.

— Что ты хочешь узнать?

Он проводит пальцем по строчке.

— Почему тебе поверили.

Алина поднимает глаза.

— Что?

— Я раньше думал, потому что вас было трое.

— Нас?

— Ты, Миша, Сергей.

— Папа не видел аварию.

— Не видел.

Гена кивает.

— Но он был взрослый. Учитель. Нормальная семья. А я — пьяный малолетний долбоёб с двумя приводами.

— Гена…

— Я не жалуюсь.

Он отпивает кофе.

— Это просто факты.

Алина смотрит на лист.

— И что изменилось?

— Ничего.

Он достаёт второй.

— Просто я забыл одну вещь.

Кладёт рядом.

Его старое объяснение. Она узнаёт имя.

Геннадий…

Дальше не читает.

— Я тогда тоже был пьяный, — говорит он. — Сильно.

— Знаю.

— Миша тоже.

— Да.

— А ты?

— Нет.

— Вот.

Он постукивает пальцем по её листу.

— Ты была единственная трезвая.

Алина чувствует край сложенного листа под пальцами. Бумага тонкая, почти прозрачная.

— Пятнадцать лет, — продолжает Гена, — я помнил, что ты сказала то же самое, что Миша. А сейчас прочитал и понял, почему твои слова тогда были такими удобными.

— Я была ребёнком.

Гена кивает.

Сразу.

— Была.

Ответ получается не тем, которого она ждала.

— Я не спорю.

Он смотрит на неё.

— Но для них ты была трезвым свидетелем.

Алина берёт чашку. Чай слишком горячий. Ставит обратно.

Гена продолжает:

— Миша пьяный. Я пьяный. Один говорит одно, второй другое.

Он показывает на её объяснение.

— А потом есть ты.

Алина молчит.

— Пятнадцать лет, трезвая, сидела в машине, всё видела.

— И папа.

— Сергей приехал потом.

— Да.

— Поэтому не он.

Гена смотрит на лист.

— Ты.

Алина чувствует, как начинает болеть челюсть. Слишком сильно сжала зубы.

— Ты позвал меня, чтобы это сказать?

— Нет.

— А зачем?

Он убирает своё объяснение. Достаёт третий лист.

— Вот за этим.

Передвигает к ней.

Алина читает.

Это не их показания. Другой почерк. Другой формат.

Протокол допроса свидетеля. Она пробегает глазами первые строки.

Мужчина.

Пятьдесят семь лет. Проезжал по соседней дороге. Увидел стоящую машину.

Людей.

Алина читает дальше.

…после удара из автомобиля через дверь со стороны водителя вышел человек, которого свидетель принял за молодого мужчину…

Она останавливается. Гена смотрит на неё.

— Вот.

Алина перечитывает.

…лица не рассмотрел ввиду темноты и сильного дождя…

Следующая строка:

…одежда тёмная, других примет назвать не может…

Она поднимает глаза.

— И?

— А ничего.

— Гена.

— Я пятнадцать лет думал, что меня кто-то видел.

Он берёт лист и поворачивает к себе.

— Мне так это и объясняли. Есть свидетель. Видел парня со стороны водителя.

— Он и сейчас так говорит.

— Нет.

Гена смотрит на неё.

— Он сказал, что **принял** человека за молодого мужчину. Лица не видел. Рост не определил. Тёмная одежда — и всё.

Алина снова смотрит на протокол.

— Здесь действительно нет опознания.

Гена кивает.

— Именно.

Она берёт чашку. На этот раз пьёт.

— И что это меняет?

— Для меня?

— Для дела.

— Не знаю.

Гена пожимает плечами.

— Антон разберётся.

— Тогда зачем показывать мне?

Он складывает руки на столе.

— Потому что вот это…

Касается свидетельского протокола.

— …плюс ваши показания меня и добили.

— Тебя осудили не только из-за нас.

— Конечно.

Он усмехается.

— Там ещё был я сам.

— Что это значит?

— Что у меня не было нормального алиби.

Гена откидывается назад.

— Я вышел из машины и пошёл домой. Пешком. Один.

— Я знаю.

— Никто не видел, как я шёл большую часть дороги. Камер тогда там не было. Телефон…

Он машет рукой.

— Толку от него не было.

— А дома?

— Мать видела, когда пришёл.

— Это не помогло?

— Время плавало.

Он криво улыбается.

— Я пьяный. Она на нервах. Следователь решил, что я вполне успевал сначала сбить человека, потом бросить машину и добраться домой.

— А машина?

— Что машина?

— Ты же ушёл раньше.

— Вы сказали, что я был с вами до аварии, а после неё убежал.

Алина молчит.

Да.

Именно так всё складывалось в их версии. Гена смотрит на неё.

— Миша сказал, что я был за рулём.

Он загибает палец.

— Ты сказала, что я был за рулём.

Второй.

— Свидетель решил, что из водительской двери вышел парень.

Третий.

— Я был пьяный. У меня уже были проблемы с полицией. Нормального алиби нет.

Он разводит руками.

— Красиво.

— Не красиво.

— Для обвинения — вполне.

Алина смотрит на подпись пятнадцатилетней себя.

— У тебя был адвокат.

Гена смеётся.

Не громко.

— Был.

— И?

— И что?
— Он не видел этого?
Гена смотрит на свидетельский протокол.
— Видел.
— Тогда…
— Алин.
Он произносит её имя спокойно.
— Два прямых свидетеля сказали, что я был за рулём.
Она замолкает.
— Один из них трезвый, — добавляет Гена.
Чай давно остыл. Алина отодвигает чашку, хотя так и не допила, и снова опускает глаза.
— Мне было пятнадцать.
— Я знаю.
Ни злости.
Ни насмешки.
Это бесит сильнее.
— Ты можешь хоть раз не говорить это так спокойно?
Гена чуть хмурится.
— Как?
— «Я знаю».
— А как мне говорить?
— Не знаю.
Он смотрит на неё.
— Ты хочешь, чтобы я на тебя орал?
Алина ничего не отвечает.
— Могу.
— Не надо.
— Вот и я думаю.
Он собирает бумаги. Она кладёт ладонь на первый лист.
— Подожди.
Гена останавливается. Алина снова смотрит на свою подпись.
— Ты помнишь, когда тебя забрали?
— Конечно.
— В ту же ночь?
— Под утро.
— Где?
— Дома.
Он отвечает сразу.
— Постучали. Мать открыла.
Алина медленно убирает руку.
— Ты ещё был пьяный?
— Да.
— Что тебе сказали?
Гена усмехается.
— Что я участвовал в ДТП.
— И?
— Я сначала решил, что Миша сдох.
Она резко поднимает голову.
— Что?

— Ну а что мне ещё было думать?

Он пожимает плечами.

— Я ушёл. Они вдвоём поехали дальше. Через несколько часов менты у двери.

Алина молчит.

— Потом сказали, что погиб мужчина.

Гена перестаёт улыбаться.

— Василий.

Имя звучит неожиданно.

— Ты помнишь.

— Конечно, помню.

— Я не…

Она останавливается.

Гена ждёт.

— Что?

— Ничего.

Он смотрит на папку.

— Василий работал врачом.

Алина опускает взгляд.

— Знаю.

— Дети были взрослые. Внуки.

Она поднимает голову.

— Откуда ты знаешь?

— Из дела.

Гена пожимает плечами.

— Потом всё прочитал.

— Зачем?

Он смотрит на неё так, будто вопрос странный.

— Потому что меня осудили за его смерть.

Он пододвигает к себе чашку, делает глоток и морщится — кофе остыл. Алина ничего не говорит.

— Я долго его ненавидел, — говорит Гена.

— Василия?

— Да.

Она не ожидала.

— Почему?

— Потому что, если бы он не умер, срок был бы другой.

Гена усмехается без улыбки.

— Очень удобно ненавидеть мёртвого человека за то, что он умер.

— Потом прошло.

— Когда?

— Не знаю.

Он убирает листы обратно в папку.

— В колонии времени дохуя. Что-нибудь да проходит.

Гена проводит пальцем по старой вмятине на столе. Слово «прошло» звучит слишком просто. Она смотрит на его руки. Костяшки сбиты не сейчас.

Старые следы.

Рабочая кожа.

— А ненависть к Мише?

Гена поднимает глаза.

— Не прошла.

Ответ мгновенный.

— К папе?

— Тоже.

— Ко мне?

Он думает.

Впервые за весь разговор долго.

— Не знаю.

Алина почти улыбается.

— Очень удобно.

— Ага.

Гена откидывается на спинку стула.

— Тебе было пятнадцать.

Она закрывает глаза.

— Блядь.

Он начинает смеяться.

Алина тоже.

Не хочет.

Но смеётся.

Несколько секунд. Потом Гена становится серьёзным.

— Знаешь, что самое мерзкое?

Она смотрит на него.

— Что?

— Если бы ты сейчас сказала, что ничего не помнишь и вообще не хочешь во всё это лезть, я бы тебя ненавидел.

Алина молчит.

— А ты полезла.

Он кивает на папку.

— Поэтому я пока не понимаю, что с тобой делать.

— Ничего.

— Отличный план.

— У тебя есть адвокат. Делай то, ради чего вернулся.

— Делаю.

Гена смотрит на неё.

— Просто теперь мне приходится принять, что один из людей, из-за которых меня посадили, помогает это исправить.

Алина смотрит на два листа, лежащие между ними: один с её фамилией, второй со словами случайного очевидца. Сдвигает их ровнее, хотя ровнять нечего. В груди тяжело.

— Не надо делать из меня хорошую.

— Я не делаю.

Ответ слишком быстрый. Гена пожимает плечами.

— Я сказал, что ты помогаешь. Это не одно и то же.

Алина кивает.

— Хорошо.

Он усмехается.

— Блять, заразился.

— Поздно.

* * *

На улице холоднее, чем утром. Пока Гена ищет зажигалку, Алина застёгивает пальто до самого горла. Гена закуривает у входа. Алина останавливается рядом.

— Ты опять куришь?

Он смотрит на сигарету.

— А я когда-то переставал?

— Не знаю.

— Вот.

— Не говори «вот».

Гена смеётся.

— Это тоже ваше?

— Уже, кажется, общее.

Он делает затяжку.

— Антон что теперь будет делать?

— Подавать запросы дальше.

— Куда?

— Не ебу.

— Очень информативно.

— Для этого я ему деньги плачу.

Она смотрит на него.

— У тебя есть деньги на адвоката?

Гена прищуривается.

— Алина.

— Что?

— Ты сейчас реально спросила?

— Да.

— Работаю.

— Я знаю.

— Значит, есть.

— Хорошо.

— Не начинай.

Гена выбрасывает сигарету в урну.

— Антон сказал, сначала надо собрать максимально полную картину старого дела. Потом уже решать, куда и с чем идти.

— Понятно.

— Ещё хочет найти того свидетеля.

Алина напрягается.

— Который видел машину?

— Да.

— Он жив?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.